947
Г-410

Герцен

Княгиня Е.Р. Даш-
кова

Приложеніе къ № 4.

«ОСНОВА».

Редакторъ-издатель В. Яковенко, душеприказчикъ
Ф. Павленкова.

А. И. Герценъ.

Княгиня Екатерина Романовна
ДАШКОВА.

Цѣна 20 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.
1906.

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Средства, получаемыя отъ распродажи изданій Ф. Павленкова, предназначаются, согласно завѣщанія, главнѣйшимъ образомъ на устройство безплатныхъ народныхъ библіотекъ.

Философія, этика, психологія.

Положительная философія Огюста Конта. Въ популярномъ изложеніи д-ра Робине. Ц. 50 к.

Философія Герберта Спенсера. Въ сокращенномъ изложеніи Коллинза. Перев. съ англ. П. Мокіевскаго. 2-е русское изд. Ц. 2 р.

Философія Шопенгауэра. Въ популярномъ изложеніи д-ра Т. Рибо. Перев. съ франц. Э. Ватсона. Ц. 50 к.

Исторія религіи. Проф. Мензиса. 3-е изд. Ц. 1 р.

Психологія религій. Р. де-ла Грассери. Перев. съ франц. Ц. 1 р. 25 к.

О вѣрованіи. Популярно-философскіе очерки. Пэйо. Съ франц. Ц. 50 к.

Эволюція общихъ идей. Рибо. Съ франц. Ц. 60 к.

Безсмертіе съ точки зрѣнія эволюціоннаго натурализма. Проф. Сабатье. Ц. 75 к.

Жизнь и смерть. Публичн. лекціи проф. Сабатье. Ц. 75 к.

Пессимизмъ. Селли. Популярный обзоръ пессимистическихъ ученій. Перев. съ англ. Ц. 1 р. 50 к.

Этика. (Ученіе о нравственности). Проф. Маккензи. Перев. съ франц. Ц. 75 к.

Эволюціонная этика и психологія животныхъ. Професс. Э. Эванса. Съ англ. Ц. 75 к.

Прогрессивная нравственность. Проф. Фаулера. Съ англ., подъ ред. Влад. Соловьева. Ц. 40 к.

Нравственный инстинктъ. Его происхожденіе и развитіе. Сутерланда. Перев. съ англ. Ц. 1 р. 50 к.

Планъ жизни. Характеръ и поведеніе. В. Лекки. Перев. съ англ. Ц. 1 р. 25 к.

Духовный прогрессъ и счастье. Психологическое изслѣдованіе. Лоскутова. Ц. 1 р.

Путь къ счастью. Кирхнера. Съ нѣм. Ц. 60 к.

Счастье и трудъ. Проф. Мантегацца. Перев. съ итал. 3-е изд. Ц. 60 к.

Характеръ и нравственное воспитаніе. Кейра. Съ франц., подъ ред. Р. Сементковскаго. Ц. 40 к.

Воспитаніе воли. Пэйо. Съ франц. 5-е изд. Ц. 60 к.

Воспитаніе чувствъ. Составилъ Тома. Съ франц. Ц. 75 к.

п 34 г.

Приложенiе къ № 4.

«ОСНОВА».

Редакторъ-издатель В. Яковенко, душеприказчикъ Ф. Павленкова.

А. И. Герценъ.

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова.

Московская Губернская Центральная Библиотека
Центр. Книгохранилище
Моск. Обл. Б...

Цѣна 20 коп.

947
Г410

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографiя Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9

1906.

Княгиня Екатерина Романовна ДАШКОВА.

«Очень бы мнѣ хотѣлось, пишетъ миссъ Катринъ Вильмотъ своимъ роднымъ въ Ирландію изъ деревни Дашковой, чтобъ вы могли взглянуть на самую княгиню. Въ ней все, языкъ и платье — все оригинально; чтобъ она ни дѣлала, она рѣшительно ни на кого не похожа. Я не только не видывала никогда такого существа, но и не слыхивала о такомъ. Она учитъ каменщиковъ класть стѣны, помогаетъ дѣлать дорожки, ходитъ кормить коровъ, сочиняетъ музыку, пишетъ статьи для печати, знаетъ до конца церковный чинъ и поправляетъ священника, если онъ не такъ молится, знаетъ до конца театръ и поправляетъ своихъ домашнихъ актеровъ, когда они сбиваются съ роли; она докторъ, аптекарь, фельдшеръ, кузнецъ, плотникъ, судья, законникъ; она всякій день дѣлаетъ самыя противоположныя вещи на свѣтѣ, ведетъ переписку съ братомъ, занимающимъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ имперіи, съ учеными, съ литераторами, съ жидами, съ своимъ сыномъ, со всѣми родственниками. Ея разговоръ, увлекательный по своей простотѣ, доходитъ иногда до дѣтской наивности. Она, нисколько не думая, говоритъ разомъ по французски, по итальянски, по русски, по англійски, путая всѣ языки вмѣстѣ.

«Она родилась быть министромъ или полководцемъ, ея мѣсто во главѣ государства».

Все это вѣрно, но миссъ Вильмотъ забываетъ, что сверхъ того Дашкова родилась *женщиной и женщи-*

ной осталась всю жизнь. Сторона сердца, нѣжности, преданности была въ ней необыкновенно развита. Для насъ это особенно важно. Дашковою русская *женская личность*, разбуженная петровскимъ разгромомъ, выходитъ изъ своего затворничества, заявляетъ свою способность и требуетъ участія въ дѣлѣ государственномъ, въ наукѣ, въ преобразованіи Россіи и смѣло становится рядомъ съ Екатериной.

Въ Дашковой чувствуется та самая сила, не совсѣмъ устроенная, которая рвалась къ просторной жизни изъ подъ плѣсни московскаго застоя, что-то сильное, многостороннее, дѣятельное, петровское, ломоносовское, но смягченное аристократическимъ воспитаніемъ и женственностью.

Екатерина II, дѣлая ее президентомъ Академіи, признала политическое равенство обоихъ половъ, совершенно послѣдовательное въ странѣ, принимавшей гражданскую правомѣрность женщинъ, остающихся на западѣ прикрѣпленными къ мужьямъ или въ вѣчномъ несовершеннолѣтіи.

Въ русской исторіи, бѣдной личностями, записки женщины, участвовавшей на первомъ планѣ въ переворотѣ 1762 года и видѣвшей возлѣ всѣ событія отъ смерти Елизаветы до Тильзитскаго мира, чрезвычайно важны, тѣмъ больше, что мы очень мало знаемъ наше XVIII столѣтіе. Мы любимъ въ исторіи восходить гораздо дальше. Мы изъ-за варяговъ, новгородцевъ, кіевлянъ не видимъ вчерашняго дня; зубчатыя кремлевскія стѣны заслоняютъ намъ плоскія линіи петропавловской крѣпости. Разбирая отчетливо царскія грамоты, мы мало знаемъ, что писалось на ломаномъ русскомъ языкѣ въ петербургскихъ канцеляріяхъ, въ то время, какъ подъ окнами зимняго дворца ревѣла дикая крамола и мятежъ, угрожая Сибирью и смертью его жителямъ, и тронъ не получилъ еще ту силу и прочность, кото-

рую онъ пріобрѣлъ не больше, какъ *семьдесятъ пять* лѣтъ тому назадъ. Протверживать исторію этихъ временъ очень полезно и для правительства, чтобъ оно не забывалось, и для насъ, чтобъ мы не отчаивались.

Я желалъ бы хоть вкратцѣ объяснить мою мысль.

Вся Европа и, что гораздо хуже, всѣ русскіе принимаютъ императорскую власть въ ея современной формѣ за такую несокрушимую всегдашность русскаго быта, которая смѣется по праву надъ всѣми дерзновенными попытками и смѣло выдерживаетъ всякій натискъ, мощно и прочно уцѣпившись далеко развѣтвившимися корнями въ землю.

Императорская власть, совсѣмъ напротивъ, устоялась и окрѣпла весьма недавно. Она и теперь носитъ на себѣ слѣды своего революціоннаго начала; въ ней и до сихъ поръ перепутаны безъ всякаго порядка, какъ въ промежуточныхъ слояхъ земного шара, гранитъ старины, наносные пески, осколки, случайно захваченные сверху, всплывшіе снизу, мѣстами крѣпко слежавшіеся, но не соединенные химически.

Насъ вводятъ въ заблужденіе бармы Мономаха, тронъ царя Іоанна Васильевича, Успенскій Соборъ; но развѣ Наполеонъ не рядился въ мантію Карла Великаго и не надѣвалъ на свою голову желѣзной короны въ Миланѣ? Все это поддѣлки въ родѣ Чатертона; почтенныя черты старости и минувшаго берутся въ займы для того, чтобы окружить новое уваженіемъ и увѣрить въ его прочности, такъ сказать, въ его вѣковѣчности.

Русское императорство развилось изъ царской власти отвѣтомъ на сильную потребность *иной жизни*. Это военная и гражданская диктатура, гораздо больше сходная съ римскимъ цезаризмомъ, нежели съ феодальной монархіей. Диктатура можетъ быть очень сильна, поглощать въ себя всѣ власти, но прочна она быть не можетъ. Она существуетъ до тѣхъ поръ, пока обстоятель-

ства, ее вызвавшія, останутся тѣ же и пока она сама вѣрна своему призванію.

Разумѣется, встрѣчая при выходѣ съ парохода вычищенную и выбѣленную лейбъ-гвардію, безмолвную бюрократію, несущихся курьеровъ, неподвижныхъ часовыхъ, казаковъ съ нагайками, полицейскихъ съ кулаками, полгорода въ мундирахъ, полгорода, дѣлающій фрунтъ, и цѣлый городъ, торопливо снимающій шляпу, и подумавъ, что все это лишено всякой самобытности и служитъ пальцами, хвостомъ, ногтями и когтями одного человѣка, совмѣщающаго въ себѣ всѣ виды власти - помѣщика, паны, палача, родной матери и сержанта, можетъ закружиться въ головѣ, сдѣлаться страшно, можетъ придти желаніе самому снять шляпу и поклониться, пока голова цѣла, и вдвое того можетъ захотѣться сѣсть опять на пароходъ и плыть куда-нибудь. Все это такъ, и все это чувствовалъ (кромѣ послѣдняго) достопочтенный вестфальскій баронъ Гакстгаузенъ.

Этотъ сурово-мрачный, подавляющій видъ грубой силы приняло императорство особенно въ тридцатилѣтіе николаевскаго царствованія; страшать было у него въ принципѣ. Но тутъ невольно является вопросъ: отчего же Николай не могъ въ эти тридцать лѣтъ забыть «дурные четверть часа», проведенные имъ *при занятіи* Зимняго дворца 14 декабря 1825. Отчего, умирая, вспомнилъ онъ этотъ день и за него благодарилъ гвардію?

Оттого, что онъ понялъ съ начала своего воцаренія, что его тронъ только силенъ *силой*. Онъ ею одной и держался, но чувствовалъ, что въ штыкахъ, что въ матеріальномъ гнетѣ ничего нѣтъ прочнаго, и искалъ иныхъ опоръ. Опоры, на которыя онъ обратилъ вниманіе, были вѣрны; рядомъ съ самодержавіемъ онъ поставилъ православіе и народность. Но это былъ протестъ противъ петровскаго направленія, котораго весь

смыслъ состоялъ въ секуляризаціи царской власти и общеевропейскомъ образованіи. Николай становился въ прямое противорѣчіе съ живымъ началомъ петровскаго императорства, а потому ничего нѣтъ удивительнаго, что прямой результатъ его царствованія былъ глухой разрывъ между нимъ и Россіей. Еслибъ онъ прожилъ еще десять лѣтъ, его тронъ развалился бы самъ собою; все перестало идти, все повяло, стало сохнуть, отъ всего отлеталъ духъ, безпорядки администраціи достигли чудовищныхъ размѣровъ. Его царствованіе была нелѣпость. Онъ понялъ, что, идя по направленію Александра, должно было неминуемо измѣнить болѣе человѣческими формами самодержавную власть, но этого онъ не хотѣлъ, а воображалъ, что онъ настолько независимъ отъ петровскихъ началъ, что онъ можетъ быть Петромъ и безъ нихъ.

Ему бы удалось, можетъ быть, еслибъ въ самомъ дѣлѣ, какъ думаютъ московскіе старовѣры, переворотъ Петра былъ слѣдствіемъ личной воли, геніальнаго каприза; но онъ вовсе не былъ случайностью, а служилъ отвѣтомъ на инстинктивную потребность Руси развернуть свои силы. Какъ иначе можно объяснить успѣхъ его?

Государственное развитіе Россіи шло медленно и было очень позднее: Русь жила на-распашку и кой-какъ собралась, подгоняемая татарами въ иконописное, т. е., суздальски-византійское Московское царство, формы его были неуклюжи и грубы, все шло неловко, апатично. Царская власть негодна была даже на защиту государства, и въ 1612 году Россія была спасена безъ царя. А между тѣмъ *что-то* говорило, что-то, *говорящее* до сихъ поръ въ сердцѣ каждаго изъ насъ, что подъ обветшалыми и тяжелыми платьями бездна силъ и мощи. Это *что-то* и есть молодость, вѣра въ себя, сознаніе силы.

Крутой разрывъ со стариной оскорблялъ, — но нравился, народъ любилъ Петра I, онъ его перенесъ въ легенды и сказки. Точно будто русскій человѣкъ догадался, что чего бы ни стоило, надо было переломить лѣнь и крѣпкимъ государственнымъ строемъ стянуть нашу распущенность. Безчеловѣчная дрессировка Петра I и такихъ преемниковъ его, какъ Биронъ, разумѣется, поселяла ужасъ и отвращеніе, но все это переносили за открывавшуюся ширь новой жизни, такъ, какъ во Франціи переносили терроръ.

Петровскій періодъ сразу сталъ народнѣе періода царей московскихъ. Онъ глубоко взошелъ въ нашу исторію, въ наши нравы, въ нашу плоть и кровь; въ немъ есть что-то необычайно родное намъ, юное; отвратительная примѣсь казарменной дерзости и австрійскаго канцелярства не составляютъ его главной характеристики. Съ этимъ періодомъ связаны дорогія намъ воспоминанія нашего могучаго роста, нашей славы и нашихъ бѣдствій; онъ сдержалъ свое слово и создалъ сильное государство. Народъ любитъ успѣхъ и силу.

Когда Александръ диктовалъ въ Парижѣ законы всей Европѣ, одна сторона петровской идеи была окончена. Что же потомъ? Воротиться опять за 1700 годъ и сочетать военный деспотизмъ съ отчуждающейся отъ всего человѣческаго царской властію. Этого хотѣлъ Николай, десятокъ поврежденныхъ славянофиловъ — и больше никто.

Если народъ и ненавидитъ чуждое ему нѣмецкое правительство, вполнѣ заслужившее это, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ любилъ московское царство, онъ его забылъ черезъ одно поколѣніе и совершенно не знаетъ.

Что мѣшало послѣ Петра I возвратиться къ едва протекшимъ временамъ. Все петербургское устройство висѣло на ниткѣ. Пьяныя и развратныя женщины, ту-

поумные принцы, едва умѣвшіе говорить по-русски, нѣмки и дѣти садились за престолъ, сходили съ престола, дворцомъ шла самая близкая дорога въ Сибирь и на каторжную работу; горсть интригановъ и кондотьеровъ завѣдывала государствомъ. Въ продолженіе всей этой сумятицы, мы не видимъ особеннаго желанія воротиться къ допетровскимъ временамъ. Напротивъ, то, что постоянно остается во всѣхъ этихъ судорожныхъ перемѣнахъ, то, что развивается вопреки ихъ и даетъ имъ рѣзкое единство, это именно *петровская идея*. Одна партія сбрасываетъ другую, пользуясь тѣмъ, что новый порядокъ не обжился, но кто бы ни одолѣвалъ, до Петровскихъ основаній никто не касался, а всѣ принимали ихъ, Меншиковъ и Биронъ, Минихъ и самые Долгорукіе, хотѣвшіе ограничить императорскую власть не въ самомъ же дѣлѣ прежней боярской думой.[1]) Елизавета и Екатерина II льстятъ православію, льстятъ народности для того, чтобъ овладѣть тропомъ, но осѣвшись на немъ, онѣ продолжаютъ его путь. Екатерина II больше нежели кто-нибудь.

Противодѣйствія новому порядку дѣлъ послѣ его жестокаго водворенія мы видимъ въ однихъ *неправославныхъ* раскольникахъ и въ страдательномъ неучастіи крестьянъ. Ворчливое упорство нѣсколькихъ стариковъ ничего не значитъ. Подавленная покорность всѣхъ «старовѣровъ» была признаніемъ своего безсилія. Еслибъ было что нибудь живое въ ихъ воззрѣніи, непремѣнно были бы попытки, положимъ неудачныя, невозможныя, но были бы. Всякія Анны Леопольдовны, Анны Іоанновны, Елизаветы Петровны и Екатерины Алексѣевны находили людей отважныхъ и преданныхъ, подвергавшихся

[1]) О которой Кошихинъ такъ живописно отзывался, говоря, что бояре въ ней молчатъ, уставя глаза свои въ браду для того, чтобы показать глубокомысліе.

изъ-за нихъ плахѣ и каторгѣ; погибающее казачество и смятое подъ ноги дворянства крѣпостное состояніе имѣло своего Пугачева, а Пугачевъ свои двѣсти тысячъ войска; киргизъ-кайсаки откочевали къ Китаю; крымскіе татары соединились съ турками; Малороссія громко роптала, все оскорбленное или придавленное императорствомъ заявляло свой протестъ; старо-русская партія въ Россіи — никогда. У ней не было ни языка, ни преданныхъ людей, ни Полуботка, ни Мазепы!

И только полтораста лѣтъ послѣ Петра, она находитъ себѣ представителя и вождя, и этотъ представитель и вождь—Николай. Еслибъ ему церковной нетерпимостью и народной исключительностью удалось пересоздать императорскую власть и замѣнить ея диктаторіальный характеръ чисто монархическимъ или царскимъ,—это было бы несчастіе, но оно было невозможно. Едва Николай умеръ, Россія рвется снова на петровскую дорогу — и вовсе не въ завоевательномъ, не въ солдатскомъ направленіи его, а въ развитіи внутреннихъ матеріальныхъ и нравственныхъ силъ.

Петръ I былъ одинъ изъ раннихъ дѣятелей великаго XVIII столѣтія и дѣйствовалъ въ его духѣ, онъ былъ пропикнутъ имъ, какъ Фридрихъ II, какъ Іосифъ II. Его революціонный реализмъ беретъ верхъ надъ его царскимъ достоинствомъ,—онъ деспотъ, а не монархъ.

Мы всѣ знаемъ, какъ Петръ ломалъ старое и какъ устраивалъ новое. Тяжелому, неподвижному византійскому чину онъ противопоставилъ трактирные нравы, скучная грановитая палата превратилась при немъ въ разгульный дворецъ; вмѣсто законнаго престолонаслѣдія, онъ разъ предоставилъ императору право назначать кого хочетъ, другой разъ писалъ сенату, чтобъ онъ самъ избралъ достойнѣйшаго, если онъ погибнетъ въ турецкомъ плѣну, и затѣмъ отнятую у роднаго сына корону отдалъ горничной, которая, переходя изъ рукъ

въ руки, дошла до него. Онъ упразднилъ мѣсто святѣйшаго патріарха, запретилъ мощамъ являться, и утеръ досуха всѣхъ скорбящія слезы чудотворныхъ иконъ. Въ странѣ упрямаго мѣстничества онъ посадилъ выше всѣхъ плебея Меншикова, водился съ иностранцами, даже съ аранами, напивался пьянъ съ матросами и шкиперами, буянилъ на улицахъ, словомъ, оскорблялъ всѣ стороны прежней чопорной русской жизни и важный царскій формализмъ.

Онъ далъ тонъ, наслѣдники продолжали его, преувеличивая и искажая; полвѣка послѣ него длится одна непрерывная оргія вина, крови, разврата—l'ultimo atto, какъ выразился одинъ итальянскій писатель — d'una tragedia—representato nel un lupanar.

Какое тутъ православіе, какой тутъ монархическирыцарской принципъ?

Если во второй половинѣ царствованія Екатерины, трагической характеръ блѣднѣетъ, *то локалъ* остается тотъ же: исторію Екатерины II нельзя читать при дамахъ. Монархически растлѣнный Версаль съ удивленіемъ смотрѣлъ на безпутство русскаго двора, такъ, какъ на филофскій либерализмъ Екатерины II, потому что Версаль не понималъ, что основанія императорской власти въ Россіи совсѣмъ не тѣ, на которыхъ зиждется французская королевская власть.

Когда Александръ сказалъ въ Тильзитѣ Наполеону, что онъ вовсе не согласенъ съ тѣмъ значеніемъ, которое онъ приписываетъ наслѣдственности царской власти. Наполеонъ думалъ, что онъ его обманываетъ. Когда онъ говорилъ мадамъ Сталь, что онъ только «счастливая случайность», она это приняла за фразу. А это была глубочайшая правда его.

Сердясь на трусость нѣмецкихъ государей, императоръ Александръ говорилъ въ своей прокламаціи 22 февраля 1813 ихъ подданнымъ: «страхъ удерживаетъ

ваши правительства, не останавливайтесь на этомъ; если ваши государи подъ вліяніемъ малодушія и подобострастья ничего не сдѣлаютъ, тогда долженъ раздаться голосъ подданныхъ и заставить государей, которые влекутъ свои народы въ рабство и несчастіе, вести ихъ къ свободѣ и чести».

Дѣло въ томъ, что Александръ еще понималъ петровскую традицію своей власти, онъ былъ слишкомъ близокъ къ первой эпохѣ императорства, чтобъ представлять изъ себя гвардейскаго пану всѣхъ реакцій. Онъ даже съ явнымъ сомнѣніемъ и нерѣшительностью прочелъ доносы Шервуда и Майбороды.

Безъ сомнѣній и мыслей сѣлъ на его мѣсто Николай и сдѣлалъ изъ своей власти машину, которая должна была вести Россію вспять. Но императорство не сильно, какъ скоро оно дѣлается консервативнымъ. Россія отреклась отъ всего человѣческаго, отъ покоя и воли, она шла въ нѣмецкую кабалу только для того, чтобъ выйти изъ душнаго и тѣснаго состоянія, которое ей было не подъ лѣта. Вести ее назадъ тѣми же средствами невозможно.

Только идучи впередъ къ цѣлямъ дѣйствительнымъ, только способствуя больше и больше развитію народныхъ силъ при общечеловѣческомъ образованіи, и можетъ держаться императорство. Масло, которымъ будутъ смазывать паровозы на новыхъ желѣзныхъ дорогахъ, прочнѣе вѣнчаетъ на царство, нежели елей Успенскаго Собора.

Вѣрно ли понята нами императорская власть, ярко и живо показываютъ превосходныя записки Дашковой.

Цѣль наша будетъ вполнѣ достигнута, если бѣглый отчетъ нашъ объ ихъ содержаніи заставитъ читателей взять въ руки самую книгу.

Въ 1744 году императрица Елизавета и великій князь Петръ Ѳедоровичъ крестили дочь Екатерину, ро-

дившуюся у графа Романа Воронцова, брата великаго канцлера. Семья Воронцовыхъ принадлежала къ тому небольшому числу олигархическаго барства, которые вмѣстѣ съ наложниками императрицъ управляли тогда, какъ хотѣли, Россіей, круто переходившей изъ одного государственнаго быта въ другой. Они хозяйничали въ царствѣ точно такъ, какъ теперь у богатыхъ помѣщиковъ дворовые управляютъ дальними и ближними волостями.

Помѣщицу Елизавету Петровну любили, вовсе не потому, что она заслуживала это, ее любили за то, что покойница Анна Іоанновна держала нѣмца Бирона управляющимъ, а у насъ нѣмцевъ управляющихъ терпѣть не могутъ. Она была народнѣе Анны Іоанновны и Анны Леопольдовны; сверхъ петровской крови, она имѣла всѣ недостатки русскаго характера,- -т. е., пила иногда запоемъ и всегда до того, что вечеромъ не могла дождаться, пока горничныя ее раздѣнутъ, а разрѣзывала шнурки и платья. Она ѣздила на богомолья, ѣла постное, была суевѣрна и страстно любила рядиться — послѣ нея осталось 15.000 платьевъ, — любила пуще всего драгоцѣнные камни, какъ наши богатыя купчихи, и, вѣроятно, имѣла столько же вкусу, какъ онѣ, о чемъ можно судить потому, что она убрала себѣ цѣлую комнату янтаремъ.

Господа жили тогда съ своимъ дворомъ совсѣмъ на другой ногѣ, нежели теперь, между ними была какая-то близость и фамильярность, и, несмотря на взрывы самовластья, они чувствовали новость своей власти и необходимость въ опорѣ.

Вдругъ, напр., изъ оперы императрица Елизавета беретъ Шувалова и ѣдетъ съ нимъ пить чай къ графу Воронцову, попробовать его венгерскаго, посплетничать, а если очень завруться, то «урѣзать» или «отрѣзать» языкъ кому нибудь, смотря по винѣ, и все это отече-

ски, безъ шума, по домашнему и не подписывая изъ человѣколюбія ни одного смертнаго приговора.

Когда императрицыной крестницѣ минуло четырнадцать лѣтъ, у нея сдѣлалась корь. Корь и оспа были не шуткой въ тѣ времена, а чуть не государственнымъ преступленіемъ; корь, оспа могли пристать къ Павлу Петровичу — къ этой будущей надеждѣ всея Россіи! Особый указъ воспрещалъ всякое сношеніе съ дворомъ семьямъ, въ которыхъ была страшная болѣзнь. Нашу больную графиню поскорѣе уложили и отправили въ деревню за семьдесятъ верстъ, полагать надобно, что воздухъ тогда не былъ вреденъ для кори. Съ графиней послали старуху нѣмку и чопорную вдову русскаго маіора: умная, бойкая и живая дѣвочка, выздоровѣвшая отъ кори, чуть не умерла отъ скуки съ своими собесѣдниками; по счастію, она нашла въ деревнѣ довольно значительную библіотеку. Четырнадцатилѣтняя графиня знала четыре языка кромѣ русскаго, котораго она не знала и которому порядкомъ выучилась, бывши замужемъ, въ угожденіе своей свекрови. Принялась она вовсе не за романы, а за Вольтера, Бэйля и пр. Чтеніе у нея превратилось въ страсть, тѣмъ не меньше книги не разогнали ея тоски, она груститъ и возвращается въ Петербургъ томной, нездоровой. Императрица посылаетъ къ ней своего доктора — и этотъ докторъ Боэргавъ; онъ говоритъ, что это ничего, что тѣло здорово, но что воображеніе больно... словомъ, что ей четырнадцать лѣтъ.

Послѣ Боэргава родные со всѣхъ сторонъ бросаются на бѣдную дѣвушку и съ неутомимой жестокостью принимаются ее разсѣевать, утѣшать, кормить; мучатъ ее разспросами, совѣтами. А она проситъ объ одномъ, чтобъ ее оставили въ покоѣ, она тогда читала de l'entendement Гельвеція.

Лекарство вскорѣ нашлось само собою.

Разъ вечеромъ графиня, довольно свободно располагавшая собой, отправляется къ Самариной, остается у нея ужинать, приказавъ прислать за собой карету. Въ одиннадцать часовъ вечера она выходитъ, карета подана; но ночь такъ хороша, на улицахъ никого нѣтъ, и она идетъ пѣшкомъ, сопровождаемая сестрой Самариной. На углу встрѣчается высокій, стройный мущина, онъ знакомъ съ ея провожатой, начинаетъ съ ней говорить и обращаетъ нѣсколько словъ къ графинѣ.

Графиня приходитъ домой и мечтаетъ о прекрасномъ офицерѣ. Офицеръ пріѣзжаетъ къ себѣ влюбленный въ прекрасную графиню.

Зачѣмъ терять золотое время, графиня уже не ребенокъ, это было въ 1759 году, ей пятнадцать лѣтъ; офицеръ молодъ, богатъ, блестящъ, очень высокъ, служитъ въ преображенскомъ полку, принадлежитъ къ старинной фамиліи. Родные благославляютъ, помѣщица позволяетъ, — ихъ женятъ. И наша графиня дѣлается княгиней Дашковой.

Черезъ полтора года послѣ ихъ свадьбы, Дашкова, будучи во второй разъ беременна, оставалась одна въ Москвѣ, въ то время какъ мужъ ея ѣздилъ въ Петербургъ. Его отпускъ окончился, и онъ просилъ отсрочки. Преображенскимъ полкомъ тогда начальствовалъ великій князь, онъ тотчасъ бы отстрочилъ Дашкову отпускъ, но дѣла становились серьезны, и онъ хотѣлъ сблизиться съ офицерами. Императрица дышала на ладонъ, Шуваловы, Разумовскіе, Панины интриговали съ великой княгиней и безъ нея въ пользу Павла, даже въ пользу несчастнаго Іоанна — и всего больше въ свою собственную пользу. Великаго князя не любили, онъ не былъ злой человѣкъ, но въ немъ было все то, что русская натура ненавидитъ въ нѣмцѣ- gaucherio, грубое простодушіе, вульгарный тонъ, педантизмъ и высокомѣрное самодовольство, доходящее до презрѣнія всего

русскаго. Елизавета, бывшая вѣчно навеселѣ, не могла ему простить, что онъ всякій вечеръ былъ пьянъ; Разумовскій, что онъ хотѣлъ Гудовича сдѣлать гетманомъ, Паниномъ—за его фельдфебельскія манеры; гвардія за то, что онъ ей предпочиталъ своихъ голштинскихъ солдатъ; дамы за то, что онъ вмѣстѣ съ ними приглашалъ на свои пиры актрисъ, всякихъ нѣмокъ; духовенство ненавидѣло его за его явное презрѣніе къ восточной церкви. Видя приближающуюся кончину Елизаветы и боясь быть оставленнымъ всѣми, неуклюжій Петръ Ѳедоровичъ принялся угощать и ласкать офицеровъ и все это дѣлалъ съ чрезвычайной неловкостью. Между прочимъ ему хотѣлось также увѣриться и въ Дашковѣ, который командовалъ ротой, поэтому онъ, не отказывая ему въ отпускѣ, призвалъ его въ Ораніенбаумъ.

Князь, повидавшись съ Петромъ Ѳедоровичемъ, отправился обратно въ Москву, на дорогѣ у него заболѣло горло, сдѣлалась лихорадка, не желая обезпокоить жены, онъ велѣлъ свезти себя къ своей теткѣ Новосильцевой, думая, что боль въ горлѣ утишится, и голосъ нѣсколько возвратится; вмѣсто того у него сдѣлалась жаба и сильный жаръ.

Въ это самое время мать князя Дашкова и ея сестра княгиня Гагарина сидѣли въ спальнѣ нашей княгини вмѣстѣ съ повивальной бабкой, ожидая черезъ нѣсколько часовъ ея разрѣшенія. Дашкова еще была на ногахъ и вышла зачѣмъ-то въ другую комнату, тамъ ее давно поджидала горничная и сообщила ей по секрету о пріѣздѣ больного мужа, говоря, что онъ у тетки, и умоляя не выдавать ее, потому что всѣмъ строго на строго запрещено было сообщать ей эту новость. Княгиня вскрикнула при этой неожиданной вѣсти; по счастію старухи ничего не слыхали. Оправившись, она взошла, какъ ни въ чемъ не бывало, въ спальню, увѣрила

Да 267

ихъ, что всѣ ошиблись, что роды еще не скоро, уговорила ихъ идти отдохнуть, обѣщая священникомъ образомъ послать за ними, если что случится.

Лишь только старухи ушли, княгиня бросилась со всей горячностью своего характера умолять повивальную бабку проводить ее къ мужу. Добрая нѣмка думала, что она сошла съ ума, и начала на своемъ силезскомъ нарѣчіи уговаривать ее, прибавляя безпрерывно: «Нѣтъ, нѣтъ, я послѣ должна буду дать Богу отвѣтъ за убіеніе невинныхъ». Княгиня объявила ей рѣшительно, что если бабушка не хочетъ ее провожать, то она пойдетъ одна и никакая сила въ мірѣ ее не остановитъ. Страхъ подѣйствовалъ на старушку; но когда Дашкова ей сказала, что имъ надобно идти пѣшкомъ, чтобъ княгиня не услыхала скрипъ саней, она снова уперлась и стояла неподвижно, «точно будто ноги ея пустили корни въ полъ». Наконецъ, уладилось и это: на лѣстницѣ у Дашковой возвратились боли и при томъ сильнѣе, снова бабушка стала ее уговаривать, но она, уцѣпившись руками за поручья лѣстницы, была непреклонна.

Онѣ вышли за ворота и, несмотря на боли, добрались до дому Новосильцевой. Изъ свиданья съ мужемъ Дашкова помнитъ одно, что она увидѣла его блѣднаго, больного, лежавшаго въ забытьи, она только успѣла бросить одинъ взглядъ и безъ памяти упала на полъ. Въ этомъ положеніи люди Новосильцовой снесли ее на носилкахъ домой, гдѣ впрочемъ никто не подозрѣвалъ ея отсутствія. Новыя еще больше напряженныя боли привели ее въ память, она послала за свекровью и за теткой, а черезъ часъ родила сына Михайлу.

Въ шесть часовъ утра перевезли больного мужа; мать положила его въ другой комнатѣ, запретивъ имъ имѣть всякія сношенія въ предупрежденіе того, чтобъ хвоба не пристала къ родильницѣ, а въ сущности изъ

маленькой ревности. Молодые супруги тотчасъ начинаютъ чувствительную переписку, что, конечно, для состоянія родильницы было опаснѣе жабы, которая совсѣмъ не заразительна; они пишутъ записочки днемъ и ночью до тѣхъ поръ, пока старуха ихъ находитъ, бранитъ горничныхъ и обѣщаетъ обобрать перья, карандаши и бумагу.

Женщина, которая умѣла такъ любить и такъ выполнять волю свою вопреки опасности, страха и боли, должна была играть большую роль въ то время, въ которое она жила, и въ той средѣ, къ которой принадлежала.

Двадцать восьмого іюля 1761 года, переѣхали Дашковы въ Петербургъ. «День, говоритъ она, который двѣнадцать мѣсяцевъ спустя сдѣлался такъ памятенъ и такъ *достославенъ* для моего отечества».

Въ Петербургѣ ее ждало приглашеніе великаго князя—переѣхать въ Ораніенбаумъ. Ей не хотѣлось ѣхать, и отецъ насилу уговорилъ ее занять его дачу недалеко отъ Ораніенбаума. Дѣло въ томъ, что она уже тогда терпѣть не могла великаго князя, а была предана всѣмъ сердцемъ его женѣ. Еще въ родительскомъ домѣ она была представлена великой княгинѣ; Екатерина ее приласкала, умная и образованная дѣвушка ей понравилась. Екатерина умѣла той улыбкой, тѣмъ abandon, которымъ она очаровывала тридцать лѣтъ всю Россію, дипломатовъ и ученыхъ всей Европы, привязать къ себѣ Дашкову навѣки. Съ перваго свиданія Дашкова любитъ Екатерину страстно, «обожаетъ ее», какъ пансіонерки обожаютъ своихъ старшихъ соспитанницъ; она влюблена въ нее, какъ мальчики бываютъ влюблены въ тридцатилѣтнихъ женщинъ.

За то она чувствуетъ такое же искреннее отвращеніе отъ своего крестнаго отца Петра Ѳедоровича. Но хорошъ и онъ былъ, нечего сказать, мы это сейчасъ увидимъ.

Родная сестра Дашковой—Елизабета Романовна была открытой любовницей великаго князя. Онъ думалъ, что Салтыковъ и Понятовскій, эти счастливые предшественники Орловыхъ, Васильчиковыхъ, Новосильцовыхъ, Потемкиныхъ, Ланскихъ, Ермоловыхъ, Корсаковыхъ, Зоричей, Завадовскихъ, Мамоновыхъ, Зубовыхъ и цѣлой шеренги плечистыхъ virorum obscurorum, дали ему право не слишкомъ скупиться на свое сердце и вовсе не скрывать своихъ предпочтеній.

Отношеніе его къ великой княгинѣ уже было таково, что при первомъ представленіи Дашковой, онъ ей сказалъ: «позвольте надѣяться, что вы намъ подарите не меньше времени, чѣмъ великой княгинѣ».

Съ своей стороны порывистая Дашкова и не думала скрывать своего предпочтенія къ Екатеринѣ. Великій князь замѣтилъ это и спустя нѣсколько дней отвелъ разъ Дашкову въ сторону и сказалъ ей «съ простотой своей головы и съ добротой своего сердца», какъ она выражается: «Помните, что безопаснѣе имѣть дѣло съ честными простаками, какъ ваша сестра и я, чѣмъ съ большими умами, которые выжмутъ изъ васъ сокъ до капли, а потомъ какъ апельсинную корку выбросятъ за окно».

Дашкова, отклоняя рѣчь, замѣтила ему, что императрица настоятельно изъявляла свое желаніе, чтобъ они одинаковымъ образомъ оказывали уваженіе какъ его высочеству, такъ и великой княгинѣ.

Тѣмъ не менѣе ей было необходимо являться иногда на великокняжескія куртажныя попойки. Характеръ этихъ праздниковъ былъ нѣмецки-казарменный, грубый и пьяный. Петръ Федоровичъ, окруженный своими голштинскими генералами (т. е., по словамъ Дашковой, капралами и сержантами прусской службы, дѣтьми нѣмецкихъ мастеровыхъ, которыхъ родители не знали, куда дѣть за безпутство, и отдали въ солдаты), не выпуская

трубки изо рта, напивался иногда до того, что лакеи его выносили на рукахъ.

Разъ за ужиномъ при великой княгинѣ и многочисленныхъ гостяхъ зашла рѣчь о сержантѣ гвардіи Челищевѣ и о предполагаемой связи, которую онъ имѣлъ съ графиней Гендриковой, племянницей императрицы. Великій князь, уже сильно опьянѣвшій, замѣтилъ, что Челищеву слѣдовало бы отрубить голову для примѣра другимъ офицерамъ, чтобъ они не заводили шашней съ царскими родственницами. Голштинскіе сикофанты изъявляли всевозможными знаками свое одобреніе и сочувствіе; Дашкова не могла выдержать, чтобъ не замѣтить, что ей кажется очень безчеловѣчнымъ казнить за такое неважное преступленіе.

— Вы еще ребенокъ, отвѣчалъ великій князь, ваши слова доказываютъ это лучше всего, иначе вы бы знали, что скупиться на казни значитъ поощрять неподчиненность.

— Ваше высочество, отвѣчала Дашкова, вы шутите насъ нарочно; за исключеніемъ старыхъ генераловъ, мы всѣ, имѣющіе честь сидѣть за вашимъ столомъ, принадлежимъ къ поколѣнію, никогда не видавшему смертной казни въ Россіи.

— Это ничего не значитъ — возразилъ великій князь — хорошъ за то былъ и порядокъ во всемъ. Говорю вамъ, что вы еще дитя и ничего не смыслите въ этихъ дѣлахъ.

Всѣ до одного молчали. «Я готова — отвѣчала Дашкова — сознаться, что не въ состояніи понять ихъ, но не могу не радоваться при мысли, что ваша тетушка еще здравствуетъ и занимаетъ престолъ».

Глаза всѣхъ обратились на смѣлую женщину. Великій князь ничего не отвѣчалъ; онъ удовлетворился только тѣмъ, что высунулъ языкъ, — милая шутка,

которую онъ часто употреблялъ вмѣсто отвѣта, особенно будучи въ церкви.

Разговоръ этотъ, начавшій политическую карьеру Дашковой, замѣчателенъ сверхъ всего тѣмъ, что эти нероновскія рѣчи говорилъ самый кроткій въ мірѣ человѣкъ, никогда никого не казнившій. За столомъ было множество гвардейскихъ и кадетскихъ офицеровъ, слова Дашковой разнеслись съ быстротой молніи по всему городу. Они пріобрѣли ей большую извѣстность, которую она сначала не умѣла цѣнить и которая сдѣлала изъ нея одинъ изъ центровъ и чуть ли не главный, около котораго собирались недовольные офицеры. На первый случай Дашкова была въ восхищеніи отъ того, что великой княгинѣ чрезвычайно понравился ея отвѣтъ. «Время, грустно прибавляетъ она, не научило еще меня тогда, какъ опасно говорить правду государямъ; если они и могутъ иногда это простить, то царедворцы никогда не прощаютъ».

Дружба ея къ Екатеринѣ растетъ. Елизавета жила тогда въ Петергофѣ; тамъ *разъ въ недѣлю* великой княгинѣ было разрѣшено видѣть своего сына. Возвращаясь изъ дворца, она обыкновенно заѣзжала за Дашковой, брала ее съ собой и оставляла на весь вечеръ. Когда ей нельзя было заѣхать, она писала къ ней коротенькія записочки; отсюда возникла ихъ дружеская, интимная переписка, продолжавшаяся и послѣ отъѣзда съ дачи. Онѣ пишутъ о литературѣ, о мечтахъ, пишутъ о Вольтерѣ и о Руссо, стихами и прозой.

«Какіе стихи и какая проза! — пишетъ великая княгиня къ Дашковой — и это въ семнадцать лѣтъ. Я умоляю васъ не пренебрегать такимъ талантомъ. Можетъ, я и не совсѣмъ безпристрастный судья, ваше лестное пристрастіе ко мнѣ виновато въ томъ, что вы избрали меня предметомъ стиховъ. Обвиняйте меня въ гордости сколько угодно, но я все-таки скажу, что дав-

но не читала такихъ правильныхъ и поэтическихъ произведеній.»

Екатерина съ своей стороны посылаетъ ей свои статьи и съ большой настойчивостію требуетъ, чтобъ она ихъ никому не показывала. «При тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ я обязана жить, всякій поводъ послужитъ къ самымъ непріятнымъ вымысламъ.» Она до того боится, что проситъ Дашкову адресовать письма на имя ея горничной Катерины Ивановны и жжетъ ихъ, прочитавши. Что она называетъ «ничтожными поводами», можно догадаться по одному письму, гдѣ она опять говоритъ о своей рукописи; Дашкова возвратила ее съ большими похвалами и удостовѣряя ее, что она не выходила изъ ея рукъ. О содержаніи рукописи нигдѣ не сказано ни слова; но что это не были «правильные и поэтическіе стихи,» это видно изъ слѣдующихъ словъ (письмо 21): «Вы снимаете съ меня мои обязанности относительно моего сына, я вижу въ этомъ новое доказательство доброты вашего сердца. Я была глубоко потрясена знаками преданности, съ которыми меня встрѣтилъ народъ въ тотъ день. Никогда не была я такъ счастлива.»

Это письмо писано вскорѣ послѣ смерти императрицы Елизаветы, но мы еще не дошли до ея кончины.

Въ концѣ декабря 1761 года разнесся слухъ, что Елизавета очень больна. Дашкова распростуженная лежала въ постели, когда до нея дошла эта вѣсть. Мысль объ опасности великой княгини поразила ее, она съ нею также мало могла улежаться, какъ съ мыслію о болѣзни мужа; а потому, закутавшись въ шубу, морозной ночью 20 декабря отправилась она въ деревянный дворецъ на Мойкѣ, гдѣ тогда жила царская фамилія. Не желая, чтобъ ее видѣли, Дашкова оставила карету въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дворца и пошла пѣшкомъ на маленькое крыльцо съ той стороны, гдѣ были комнаты великой княгини, не зная вовсе къ нимъ дороги. По счастію

она встрѣтилась съ Катериной Ивановной, съ извѣстной горничной Екатерины; она сказала ей, что великая княгиня въ постели; но Дашкова требовала, чтобъ она доложила, говоря, что ей непремѣнно надобно видѣться съ ней сейчасъ. Горничная, знавшая ее и ея преданность великой княгинѣ, повиновалась ей. Екатерина, знавшая, что Дашкова серьезно больна и что, слѣдственно, безъ особенно важныхъ причинъ не явилась бы ночью въ морозъ, велѣла ее принять.

Сначала она ее осыпала упреками за то, что не бережется, и видя, что она озябла, сказала ей: «Милая княгиня, прежде всего васъ надобно согрѣть, подите сюда ко мнѣ въ постель, подъ одѣяло»; укутавши ее, она спросила, наконецъ, въ чемъ дѣло.

— Въ теперичномъ положеніи дѣлъ, отвѣчала Дашкова, когда императрицѣ остается жить только нѣсколько дней, можетъ нѣсколько часовъ, надобно, не теряя времени, принять мѣры противъ грозящей опасности и отвратить отъ васъ грозящую опасность. Бога ради, довѣрьтесь мнѣ, я докажу вамъ, что я достойна этого. Если вы уже имѣете опредѣленный планъ, употребите меня, распоряжайтесь мной, я готова.

Великая княгиня залилась слезами и, прижимая руку Дашковой къ сердцу, сказала ей: «Увѣряю васъ, что у меня никакого плана нѣтъ, я не могу ничего предпринять и думаю, что мнѣ остается одно — ожидать съ твердостью, что случится. Я отдаюсь на волю Божію и на Него одного полагаю мои надежды».

— Въ такомъ случаѣ ваши друзья должны дѣйствовать за васъ. Что касается до меня, я чувствую въ себѣ довольно силы и усердія, чтобъ ихъ всѣхъ увлечь, и повѣрьте мнѣ, что нѣтъ жертвы, которая бы меня остановила.

— Ради Бога, перебила Екатерина, не подвергайте себя опасности, въ надеждѣ противодѣйствовать злу,

которое съ сущности кажется неотвратимо. Если вы погубите себя изъ-за меня, вы только прибавите къ моей несчастной судьбѣ вѣчное мученіе.

— Все, что я могу вамъ сказать, это то, что я не сдѣлаю шага, который могъ бы васъ запутать, или могъ бы быть опасенъ вамъ. Что бы ни было, пусть падетъ на меня, и если моя слѣпая преданность къ вамъ поведетъ меня на эшафотъ, вы никогда не будете его жертвой.

Великая княгиня хотѣла возражать, но Дашкова[1]), перерывая ея рѣчь, взяла ея руку, прижала къ губамъ и, сказавши, что боится продолжать бесѣду, просила ее отпустить. Глубоко тронутыя, онѣ оставались нѣсколько минутъ въ объятіяхъ другъ друга, и Дашкова осторожно покинула до высшей степени взволнованную Екатерину.

Добавимъ къ этой чувствительной сценѣ, что Екатерина все-таки обманула Дашкову; она поручала свою судьбу въ это время не одному Богу, но и Григорію Орлову, съ которымъ обдумывала свой планъ, и Орловъ уже въ тиши старался вербовать офицеровъ.

Въ Рождество императрица скончалась. Петербургъ мрачно принялъ эту новость, и сама Дашкова видѣла, какъ Семеновскій и Измайловскій полки проходили угрюмо и съ глухимъ ропотомъ мимо ея дома.

Петръ III, провозглашенный императоромъ, не хранилъ никакого декорума, попойки продолжались. Черезъ нѣсколько дней послѣ смерти Елизаветы, онъ посѣтилъ отца Дашковой и черезъ ея сестру изъявилъ свое неудовольствіе, что не видитъ ее при дворѣ. Нечего было дѣ-

---

[1]) Дидро въ чрезвычайно интересной статьѣ своей о знакомствѣ съ Дашковой, говоря объ этомъ происшествіи, прибавляетъ, что Екатерина сказала ей: «Вы — или ангелъ или демонъ». «Ни то, ни другое, отвѣчала Дашкова, но императрица умираетъ и васъ надобно спасти».

лать, Дашкова отправилась; Петръ III. понизивъ голосъ, сталъ ей говорить о томъ, что она, наконецъ, навлечетъ на себя его негодованіе и можетъ потомъ очень горько раскаяться въ томъ, «потому что легко можетъ придти время, въ которое Романовна (такъ называлъ онъ свою любовницу) будетъ на мѣстѣ *moi*».

Дашкова сдѣлала видъ, что не понимаетъ, и торопилась занять свое мѣсто въ любимой игрѣ Петра III. Въ этой игрѣ (cartes) каждый играющій имѣетъ нѣсколько марокъ; у кого остается послѣднія, тотъ выигрываетъ. Въ игру каждый клалъ десять имперіаловъ, что по тогдашнимъ доходамъ Дашковой составляло немалую сумму, особенно потому, что когда проигрывалъ Петръ III, онъ вынималъ марку изъ кармана и клалъ ее въ пулю, такимъ образомъ, онъ почти всегда выигрывалъ. Какъ только игра кончилась, государь предложилъ другую, Дашкова отказалась; онъ пристаетъ до того къ ней, чтобъ она играла, что, пользуясь «правами избалованнаго ребенка», она сказала ему, что она недостаточно богата, чтобъ проигрывать навѣрное, что еслибъ его величество игралъ какъ всѣ, то по крайней мѣрѣ были бы шансы выигрыша. Петръ III отвѣчалъ своими «привычными буфонствами», и Дашкова откланялась.

Когда она проходила рядомъ залъ, наполненныхъ придворными и разными чинами, она подумала, что попала на маскарадъ, никого нельзя было узнать. Она не могла видѣть безъ смѣха семидесятилѣтняго князя Трубецкого, одѣтаго въ первый разъ отроду въ военный мундиръ, затянутаго, въ сапогахъ со шпорами, словомъ, совсѣмъ готоваго на самый отчаянный бой. «Этотъ жалкій старичишка, прибавляетъ она, представлявшійся больнымъ и страждущимъ, какъ это дѣлаютъ нищіе, пролежалъ въ постели, пока Елизавета кончалась; ему стало лучше, когда Петръ III былъ провозглашенъ, но узнавши, что все обошлось хорошо, онъ тотчасъ вско-

чилъ, вооружился съ ногъ до головы и явился героемъ въ Измайловскій полкъ, по которому числился».

Кстати къ мундирамъ, къ этой пагубной страсти, которая перешла отъ Петра III къ Павлу, отъ Павла ко всѣмъ его дѣтямъ, ко всѣмъ генераламъ, штабъ и оберъ офицерамъ; Панинъ, завѣдывавшій воспитаніемъ Павла, сѣтовалъ на то, что Петръ III ни разу не присутствовалъ при его испытаніяхъ. Голштинскіе принцы, его дяди, уговорили его наконецъ; онъ остался очень доволенъ и произвелъ Панина въ генералы отъ инфантеріи. Чтобъ понять всю нелѣпость этого, надобно себѣ представить блѣдную, болѣзненную фигуру Панина, любившаго чопорно одѣваться, тщательно чесавшагося и напоминавшаго собой царедворцевъ Людовика XIV. Панинъ ненавидѣлъ капральскій тонъ Петра III, мундиры и весь этотъ вздоръ. Когда Мельгуновъ привезъ ему радостную вѣсть о генеральствѣ, Панинъ хотѣлъ лучше бѣжать въ Швецію на житье, чѣмъ надѣть мундиръ. Это дошло до Петра III; онъ переименовалъ его въ соотвѣтствующій статскій чинъ, но не могъ довольно надивиться Панину. — «А я право, говорилъ онъ, всегда считалъ Панина умнымъ человѣкомъ!»

Пока Петръ III рядилъ въ героевъ своихъ придворныхъ, шли обычныя церемоніи похоронъ. Императрица не выходила изъ своихъ комнатъ и являлась только на панихиды. Изрѣдка приходилъ и Петръ III и всегда держалъ себя неприлично, шепталася съ дамами, хохоталъ съ адъютантами, насмѣхался надъ духовенствомъ, бранилъ офицеровъ и даже рядовыхъ за какія нибудь пуговицы. «Неосторожно, говорилъ англійскій посолъ Кейтсъ князю Голицыну, начинаетъ новый императоръ свое царствованіе, этимъ путемъ онъ дойдетъ до презрѣнія народнаго, а потомъ и до ненависти».

Петръ III какъ будто нарочно все дѣлалъ, чтобъ возбудить эту ненависть. Разъ вечеромъ, при Дашковой,

императоръ разглагольствовалъ по обыкновенію о своемъ поклоненіи Фридриху II и вдругъ, обращаясь къ статсъ-секретарю Волкову, который былъ при Елизаветѣ главнымъ секретаремъ верховнаго совѣта, спросилъ его, помнитъ ли онъ, какъ они хохотали надъ постоянной неудачей тайныхъ повелѣній, посылаемыхъ въ дѣйствующую армію. Волковъ, за одно съ великимъ княземъ сообщавшій прусскому королю всѣ распоряженія и такимъ образомъ уничтожавшій ихъ дѣйствіе, до того растерялся отъ словъ Петра III, что чуть не упалъ въ обморокъ. Но императоръ продолжалъ шуточнымъ тономъ разсказывать, какъ они во время войны предавали непріятелю страну, въ которой онъ былъ наслѣдникомъ престола.

При заключеніи мира съ королемъ прусскимъ, въ которомъ онъ постыдно уступилъ все купленное русской кровью, не было мѣры радости и ликованью. Праздникъ слѣдовалъ за праздникомъ. Между прочимъ Петръ III далъ большой обѣдъ, на который были приглашены всѣ послы и три первые класса. Послѣ обѣда государь предложилъ три тоста, которые пили при пушечной пальбѣ — за здоровье императорской фамиліи, за здоровье короля прусскаго, за продолженіе заключеннаго мира.

Когда императрица пила тостъ за царскую фамилію, Петръ III послалъ своего адъютанта Гудовича, который стоялъ возлѣ его стула, спросить ее, зачѣмъ она не встала. Екатерина отвѣчала, что такъ какъ императорская фамилія состоитъ только изъ ея супруга, ея сына и ея самой, то она не думала, чтобъ его величеству угодно было, чтобъ она встала. Когда Гудовичъ передалъ ея отвѣтъ, императоръ велѣлъ ему возвратиться и сказать императрицѣ, что она «дура» [1]) и должна знать, что

[1]) Слово «дура» поставлено въ англійскомъ текстѣ латинскими буквами.

его дяди, голштинскіе принцы, принадлежатъ также къ императорской фамиліи. Этого мало, боясь, что Гудовичъ смягчитъ грубое выраженіе, онъ самъ повторилъ сказанное имъ черезъ столъ, такъ что большая часть гостей слышала. Императрица на первую минуту не могла удержаться и залилась слезами, но желая какъ можно скорѣе окончить эту исторію, она обратилась къ камергеру Строгонову, стоявшему за ея стуломъ и просила его начать какой нибудь разговоръ. Строгоновъ, самъ глубоко потрясенный происшествіемъ, началъ съ притворно веселымъ видомъ что-то болтать. Выходя изъ дворца, онъ получилъ приказаніе ѣхать въ свою деревню и не оставлять ее безъ особаго разрѣшенія.

Происшествіе это необыкновенно повредило Петру III; всѣ жалѣли несчастную женщину, грубо оскорбленную пьянымъ капраломъ. Этимъ расположеніемъ естественно должна была воспользоваться Дашкова. Она становится отчаяннымъ заговорщикомъ, вербуетъ, уговариваетъ, сондируетъ — и притомъ ѣздитъ на балы, танцуетъ, чтобъ не подавать подозрѣнія. Князь Дашковъ, обиженный Петромъ III, что-то отвѣчалъ ему передъ фрунтомъ. Княгиня, боясь послѣдствій, выхлопотала ему какое-то порученіе въ Константинополь и съ тѣмъ вмѣстѣ дала ему совѣтъ «торопиться медленно». Удаливши его, она окружаетъ себя офицерами, которые ввѣряются съ полнымъ довѣріемъ восемнадцатилѣтнему шефу.

Около Петра III были и другіе недовольные, но заговорщиками они не были ни по лѣтамъ, ни по положенію; они были рады воспользоваться перемѣной, но дѣлать ее, подвергая голову плахѣ, было трудно для какого нибудь Разумовскаго или Панина. Настоящіе заговорщики были Дашкова съ своими офицерами и Орловъ съ своими приверженцами.

О Разумовскомъ Дашкова говоритъ: «Онъ любилъ

отечество настолько, насколько вообще могъ любить этотъ анатическій человѣкъ. Погрязшій въ богатствѣ, окруженный почетомъ, хорошо принятый при новомъ дворѣ и любимый офицерами, онъ впалъ въ равнодушіе и облѣнился».

Панинъ былъ государственный человѣкъ и глядѣлъ дальше другихъ; его цѣль состояла въ томъ, чтобъ провозгласить Павла императоромъ, а Екатерину правительницей. При этомъ онъ надѣялся ограничить самодержавную власть. Онъ сверхъ того думалъ достигнуть переворота какими-то законными средствами черезъ сенатъ.

Все это далеко не оправдалось Дашковой. Къ тому же ропотъ и неудовольствіе солдатъ росло. Позорный миръ, съ одной стороны, и безумная война съ Даніей, которую Петръ III хотѣлъ начать изъ-за Голштиніи, безъ всякой серьезной причины, раздражали умы. Война эта сдѣлалась у него пунктомъ помѣшательства; самъ Фридрихъ II письменно уговаривалъ его отложить ее.

Говорятъ, что молодая заговорщица употребила особыя орудія краснорѣчія, чтобъ убѣдить упорнаго Панина дѣйствовать съ ней за одно. Панинъ до того увлекся ея умомъ, ея энергіей и, сверхъ того, красотой, что на старости лѣтъ страстно влюбился въ нее. Дашкова со смѣхомъ отвергала его любовь, но не находя другихъ средствъ сладить съ нимъ, она рѣшилась склонить его *собою*. Послѣ этого Панинъ былъ въ ея рукахъ. Справедливость требуетъ сказать, что княгиня въ двухъ мѣстахъ своихъ записокъ съ негодованіемъ опровергаетъ этотъ слухъ [1]).

Несмотря на то, что заговорщики могли разсчиты-

[1]) Лидро упоминаетъ въ вышеприведенной статьѣ, что Дашкова ему говорила съ величайшимъ озлобленіемъ объ этомъ.

вать на Разумовскаго и на Панина и, сверхъ того, на новгородскаго архіепископа; несмотря на то, что множество офицеровъ было завербовано, опредѣленнаго плана дѣйствія у нихъ не было. Связанные общей цѣлью, они не могли согласиться въ образѣ дѣйствія. Дашкова, снѣдаемая жгучей дѣятельностію, сердится на медленность, не знаетъ, что дѣлать, и ѣдетъ, наконецъ, на свою дачу за Краснымъ Кабакомъ. Дача эта была первой личной собственностью Дашковой, она тотчасъ принялась за обстройку, роетъ каналы, разбиваетъ сады. «Несмотря, говоритъ она, на привязанность, которую я имѣла къ этому первому клочку земли, который былъ мой, я не хотѣла дать имени моей дачѣ, желая ее посвятить имени того святого, который будетъ праздноваться въ тотъ день, когда успѣхъ увѣнчаетъ наше великое предпріятіе». «Дайте скорѣе названіе моей дачѣ!» пишетъ она къ императрицѣ, больная въ лихорадкѣ, которую захватила въ болотѣ, заѣхавъ въ него верхомъ по поясъ. Императрица ничего не понимаетъ и думаетъ, что у ея друга въ самомъ дѣлѣ горячка.

Но бѣлая горячка собственно была у Петра III; пока Дашкова садитъ акаціи и расчищаетъ дорожки, Петръ III быстро идетъ подъ гору; одна глупость смѣняется другою, одна безобразная пошлость другой, вдвое безобразнѣйшей. Пророчество Кейтса сбывалось, общественное мнѣніе переходило отъ презрѣнія къ ненависти.

Австрійское гоненіе греческой церкви въ Сербіи заставило многихъ сербовъ прибѣгнуть къ императрицѣ Елизаветѣ съ просьбою отвести имъ земли на югѣ Россіи. Елизавета сверхъ земель велѣла имъ отпустить значительную сумму денегъ на подъемъ и переселеніе. Одинъ изъ ихъ повѣренныхъ Хорватъ, хитрый интриганъ, завладѣлъ землей и деньгами и вмѣсто исполненія условій, на которыхъ была дана земля, сталъ рас-

поряжаться переселенцами, какъ своими крестьянами. Сербы принесли жалобу; Елизавета велѣла разобрать дѣло, но прежде чѣмъ оно кончилось, она умерла. Хорватъ услышавъ о ея смерти, явился въ Петербургъ и началъ съ того, что далъ по двѣ тысячи червонныхъ тремъ лицамъ, приближеннымъ къ Петру III,—Л. Нарышкину, который былъ нѣчто въ родѣ придворнаго шута, генералу Мульгунову и генералъ-прокурору Глѣбову. Два послѣднихъ отправились къ императору и разсказали ему прямо о взяткѣ. Петръ III былъ очень доволенъ ихъ откровенностію, расхвалилъ ихъ и прибавилъ, что если они дадутъ ему половину, то онъ самъ пойдетъ въ сенатъ и велитъ рѣшить дѣло въ пользу Хорвата. Они подѣлились, императоръ сдержалъ слово и за двѣ тысячи червонныхъ потерялъ сотни тысячъ новыхъ переселенцевъ: видя, что ихъ товарищи обмануты правительствомъ, — они не рискнули переселяться.

По окончаніи дѣла, Петръ III услышалъ о томъ, что Нарышкинъ скрылъ отъ него свою взятку, и чтобъ наказать его за такой недостатокъ дружескаго довѣрія, отнялъ у него всю сумму. И потомъ долгое время спустя поддразнивалъ Нарышкина, спрашивая его—«что онъ дѣлаетъ съ Хорватскими червонцами?»

Вотъ еще милый анекдотъ о Петрѣ III. Разъ послѣ парада императоръ, очень довольный Измайловскимъ полкомъ, возвращался съ Разумовскимъ домой; вдругъ онъ услышалъ издалека шумъ; его любимецъ арапъ дрался съ профосомъ. Сначала зрѣлище это понравилось Петру III, но вдругъ онъ сдѣлалъ серьезное лицо и сказалъ: «Нарцисъ не существуетъ больше для насъ». Разумовскій, который ничего не могъ понять, спросилъ, что такъ вдругъ опечалило его величество. «Развѣ вы не видите, вскричалъ онъ, что я не могу больше держать при себѣ человѣка, дравшагося съ профосомъ. Онъ

обезчещенъ — навсегда обезчещенъ». Фельдмаршалъ, показывая видъ, что совершенно входитъ въ его глубокія соображенія, замѣтилъ, что честь Нарциса можно возстановить, проведя его подъ знаменами полка. Мысль эта привела Петра III въ восторгъ; онъ сейчасъ позвалъ негра, велѣлъ ему пройти подъ знаменами и, находя это не вполнѣ достаточнымъ, велѣлъ оцарапать его никой знамени, чтобъ онъ могъ своею кровью смыть обиду. Бѣдный арапъ чуть не умеръ отъ страха, генералы и офицеры едва-едва могли удержаться отъ негодованія и смѣха. Одинъ Петръ III совершилъ съ величайшей торжественностью весь обрядъ очищенія Нарциса.

И этотъ шутъ царствовалъ?... за то не долго!

Вечеромъ 27 іюня, Григорій Орловъ пришелъ къ Дашковой сказать ей, что капитанъ Пассекъ, одинъ изъ самыхъ отчаянныхъ заговорщиковъ, арестованъ. Орловъ засталъ у нея Панина; терять времени, откладывать было теперь невозможно. Одинъ лимфатическій, медленный и осторожный Панинъ совѣтовалъ ждать завтрашній день, узнать прежде, какъ и за что арестованъ Пассекъ. Орлову и Дашковой это было не по сердцу. Первый сказалъ, что пойдетъ узнать о Пассекѣ. Дашкова просила Панина оставить ее, ссылаясь на чрезвычайную усталь. Лишь только Панинъ уѣхалъ, Дашкова набросила на себя сѣрую мужскую шинель и пѣшкомъ отправилась къ Рославлеву, одному изъ заговорщиковъ.

Не далеко отъ дома Дашкова встрѣтила всадника, скакавшаго во весь опоръ. Дашкова несмотря на то, что никогда не видала братьевъ Орлова, догадалась, что это одинъ изъ нихъ; поравнявшись съ всадникомъ, она назвала его; онъ остановилъ лошадь, Дашкова назвала ему себя. «Я къ вамъ, сказалъ онъ, Пассекъ схваченъ, какъ государственный преступникъ, четыре часовыхъ

у дверей и два у окна. Братъ пошелъ къ Панину, а я былъ у Рославлева».

— Что онъ очень встревоженъ?

— Есть таки.

— Дайте знать нашимъ, Рославлеву, Ласунскому, Черткову и Бредихину, чтобъ они собирались сейчасъ въ Измайловскій полкъ и готовились бы принять императрицу. Потомъ скажите, что я совѣтую вашему брату или вамъ, какъ можно скорѣе ѣхать въ Петергофъ за императрицей, скажите ей, что карета ужъ приготовлена мной, скажите, что я умоляю ее не мѣшкать и скакать въ Петербургъ.

Наканунѣ Дашкова, узнавши отъ Пассека о сильномъ ропотѣ солдатъ и боясь, чтобъ чего не вышло, написала на всякій случай къ Шкуриной, женѣ императрицына камердинера, чтобъ она послала карету съ четырьмя почтовыми лошадьми къ своему мужу въ Петергофъ и велѣла бы ей дожидаться у него на дворѣ. Панинъ смѣялся надъ этими ненужными хлопотами, полагая, что переворотъ еще не такъ близокъ; обстоятельства показали, насколько предусмотрительность Дашковой была необходима.

Разставшись съ Орловымъ, она возвратилась домой. Къ вечеру портной долженъ былъ ей принести мужское платье и не принесъ, въ женскомъ она была слишкомъ связана. Чтобъ не подать подозрѣнія, она отпустила горничную и легла въ постель; но не прошло получаса, какъ она услышала стукъ въ наружную дверь. Это былъ меньшой Орловъ, котораго старшіе братья прислали спросить ее, не рано ли тревожить императрицу; Дашкова вышла изъ себя, осыпала упреками его и всѣхъ его братьевъ: «Какая тутъ рѣчь, говорила она, о томъ, потревожится императрица или нѣтъ, лучше ее безъ памяти, въ обморокѣ привезти въ Петербургъ, чѣмъ подвергнуть заключенію или вмѣстѣ съ нами эша-

фоту. Скажите братьямъ, чтобъ сейчасъ же кто-нибудь ѣхалъ въ Петергофъ».

Орловъ согласился съ нею.

Тутъ наступили для Дашковой мучительные часы одиночества и ожиданія; она трепещетъ за свою Екатерину, представляетъ ее себѣ блѣдной, изнуренной, въ тюрьмѣ, идущей на казнь и «все это по *нашей* винѣ». Измученная и въ лихорадкѣ ждетъ она вѣсти изъ Петергофа, въ четыре часа она пришла: императрица выѣхала въ Петербургъ.

Какъ Алексѣй Орловъ ночью взошелъ въ павильонъ къ Екатеринѣ, которая спокойно спала и также въ глаза не знала Орлова, какъ и Дашкова, но тотчасъ рѣшилась ѣхать въ каретѣ, приготовленной у Шкурина; какъ Орловъ сѣлъ кучеромъ и загналъ лошадей такъ, что императрица была вынуждена съ своей горничной идти пѣшкомъ; какъ они потомъ встрѣтили порожнюю телѣгу, какъ Орловъ нанялъ ее и демократически въ ней повезъ Екатерину въ Петербургъ, — все это извѣстно.

Измайловскіе солдаты приняли Екатерину съ восторгомъ; ихъ увѣрили, что Петръ III хотѣлъ въ эту ночь убить ее и ея сына. Изъ казармъ солдаты съ шумомъ и крикомъ проводили ее въ зимній дворецъ, провозглашая ее на улицахъ царствующей императрицей; препятствій не было никакихъ. Народъ бѣжалъ толпами къ дворцу, сановники собирались, архіепископъ, окруженный духовенствомъ, со святою водой ждалъ въ соборѣ новую государыню.

Когда Дашкова съ чрезвычайными усиліями пробралась до Екатерины, онѣ бросились другъ къ другу въ объятія и могли только выговорить: «Ну, слава Богу, слава Богу!» Потомъ Екатерина разсказала ей, какъ они ѣхали изъ Петергофа. Потомъ онѣ опять бросились обнимать другъ друга. «Я не знаю, говоритъ Дашкова,

былъ ли когда смертный больше счастливъ, какъ я въ эти минуты!»

«И, прибавляетъ она, когда я думаю, какими несоразмѣрно малыми средствами сдѣлался этотъ переворотъ, безъ обдуманнаго плана, людьми вовсе несогласными между собою, имѣвшими разныя цѣли, нисколько не похожими ни образованіемъ, ни характеромъ, то участіе перста Божія мнѣ становится ясно».

Переворотъ, конечно, былъ необходимъ, но если перстъ божій такъ прямо участвовалъ въ немъ, то въ этотъ день руки у бога все же не совсѣмъ были чисты.

Нацѣловавшись до-сыта, Дашкова замѣтила, что на императрицѣ екатерининская лента, а не андреевская; она тотчасъ побѣжала къ Панину, сняла съ него ленту, надѣла ее на императрицу, а екатерининскую ленту и звѣзду положила себѣ въ карманъ.

Императрица изъявила желаніе стать во главѣ войска и идти въ Петергофъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ она велѣла Дашковой сопровождать ее. Императрица взяла мундиръ у капитана Талызина, Дашкова у сержанта Пушкина. Оба мундира были прежней преображенской формы. Какъ только императрица пріѣхала въ Петербургъ, солдаты безъ всякаго приказа сбросили съ себя новые мундиры и надѣли петровскіе.

Пока Дашкова переодѣвалась, собрался чрезвычайный совѣтъ подъ предводительствомъ Екатерины, составленный изъ высшихъ сановниковъ и сенаторовъ, бывшихъ подъ рукой. Часовые, поставленные у дверей залы, пропустили въ нее молодого офицера съ смѣлой поступью и отважнымъ видомъ. Никто кромѣ императрицы не узналъ въ немъ Дашковой, она подошла къ Екатеринѣ и сказала, что карауль очень плохъ, что такъ, пожалуй, пропустятъ и Петра III, если онъ вдругъ явится (какъ мало знала этого шута сама Дашкова!); карауль немедленно былъ усиленъ; между тѣмъ импе-

ратрица, перерывая диктованіе манифеста Теплову, сказала членамъ, кто этотъ молодой офицеръ, такъ sans façon взошедшій и начавшій шептаться съ ней. Всѣ сенаторы встали, чтобъ привѣтствовать ее. «Я покраснѣла до ушей отъ такого почета, прибавляетъ милый сержантъ, и даже нѣсколько смѣшалась».

«Вслѣдъ за тѣмъ, взявъ нужныя мѣры для спокойствія столицы, сѣли мы на лошадей и по дорогѣ въ Петергофъ сдѣлали смотръ двѣнадцати тысячамъ человѣкъ, принявшимъ императрицу съ восторгомъ».

Въ Красномъ Кабакѣ инсуррекціонная армія сдѣлала привалъ: надобно было дать отдыхъ людямъ, бывшимъ на ногахъ двѣнадцать часовъ. Императрица и Дашкова, которыя совсѣмъ не спали послѣднія ночи, были сильно утомлены. Дашкова взяла у полковника Кара шинель, постлала ее на единственный диванъ, бывшій въ небольшой комнатѣ занятой ими гостиницы, разставила часовыхъ и бросилась на диванъ вмѣстѣ съ Екатериной, не скидывая мундира, съ твердымъ намѣреніемъ нѣсколько уснуть; но спать было невозможно, и онѣ проболтали все время, строя планы и вовсе забывая объ опасности.

Нельзя не признаться, что есть что-то необыкновенно увлекательное въ этой отвагѣ двухъ женщинъ, перемѣняющихъ судьбу имперіи, въ этой революціи, дѣлаемой красивой, умной женщиной, окруженной молодыми людьми, влюбленными въ нее, между которыми на первомъ планѣ красавица 18-ти лѣтъ, верхомъ, въ преображенскомъ мундирѣ и съ саблей въ рукахъ.

Несчастный Петръ III въ это время ѣздилъ изъ Ораніенбаума въ Петергофъ и изъ Петергофа въ Ораніенбаумъ, не умѣя ничего придумать, ни на что рѣшиться. Онъ искалъ Екатерину по комнатамъ павильона, за шкапами и дверями, какъ будто она съ нимъ играла въ жмурки, и не безъ самодовольства повторялъ «Ро-

мановичѣ»: «Вотъ видишь, что я правъ, я былъ увѣренъ, что она сдѣлаетъ что-нибудь, я всегда говорилъ, что эта женщина способна на все».

Еще возлѣ него стоялъ престарѣлый вождь Минихъ, еще вся Россія и часть Петербурга были не противъ него, но онъ уже совсѣмъ растерялся. Давъ опытъ невѣроятной трусости подъ Кронштадтомъ, онъ велѣлъ императорской яхтѣ грести не къ флоту, а снова къ Ораніенбауму; дамы боялись качки и моря, онъ самъ боялся всего. Ночь была тихая, мѣсячная; жалкій императоръ спрятался въ каютѣ съ своими куртизанами, а на палубѣ сидѣли въ мрачной задумчивости, съ досадой, стыдомъ и грустью на сердцѣ два героя — Минихъ и Гудовичъ; они теперь увидѣли, что противъ воли нельзя спасать людей. Въ четыре часа утра пристали они снова къ Ораніенбауму и съ понурыми головами тайкомъ взошли во дворецъ. Петръ III принялся писать письмо къ Екатеринѣ.

Въ тѣ же четыре часа сѣдлали двухъ лихихъ коней, одного для императрицы, другого для Дашковой, и вотъ онѣ снова веселыя и исполненныя энергіи передъ войскомъ, выступившимъ въ пять часовъ въ походъ и остановившимся отдохнуть у Троицкаго монастыря. Тутъ начали являться одинъ за другимъ гонцы Петра III, привозя одно предложеніе глупѣе другого; онъ отказывался отъ престола, просился въ Голштинію, признавалъ себя виноватымъ, недостойнымъ царствовать. Екатерина требовала, чтобъ онъ безусловно сдался, въ избѣжаніе большихъ золъ, и обѣщала за это устроить ему наивозможно лучшую жизнь въ одномъ изъ загородныхъ дворцовъ, по его выбору.

Войско Екатерины спокойно заняло Петергофъ; Орловъ, ѣздившій на рекогносцировку, не нашелъ никого. Голштинцы, окружавшіе Петра въ Ораніенбаумѣ и преданные ему, были готовы умереть за него, но онъ при-

казалъ имъ не защищаться; онъ хотѣлъ бѣжать, велѣлъ приготовить лошадь, но сѣлъ не на нее, а въ коляску съ Романовной и Гудовичемъ и печально самъ повезъ свою повинную голову виновной женѣ своей. Его провели потихоньку въ дальнюю комнату дворца. Романовну и Гудовича, который и тутъ себя велъ съ необыкновеннымъ благородствомъ, арестовали; Петра III накормили, напоили и свезли въ Ропшу подъ прикрытіемъ Алексѣя Орлова, Пассека, Барятинскаго и Баскакова. Ропшу онъ избралъ самъ: она ему принадлежала, когда онъ еще былъ великимъ княземъ. Другіе, впрочемъ, говорятъ, что онъ вовсе не былъ въ Ропшѣ, а въ имѣніи Разумовскаго.

Дашкова видѣла его письма къ императрицѣ. Въ одномъ онъ говоритъ о своемъ отреченіи, въ другомъ о лицахъ, которыхъ желалъ бы оставить при себѣ, исчисляетъ все, что ему нужно для житья, при чемъ именно упоминаетъ о запасѣ бургонскаго и табаку. Онъ еще требовалъ, говорятъ, скрипку, библію и разные романы, причемъ прибавлялъ, что хочетъ сдѣлаться философомъ.

Вечеромъ въ день запятія Петергофа, Дашкова, возвращаясь отъ принцессы Голштинской на половину императрицы, натолкнулась на Орлова, который во внутреннихъ комнатахъ ея лежалъ въ растяжку на диванѣ, извиняясь тѣмъ, что онъ ушибъ себѣ ногу. Онъ распечатывалъ какой-то большой пакетъ; подобные пакеты Дашкова видала у своего дяди — вице-канцлера; ихъ употребляли для самыхъ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ, сообщаемыхъ государямъ отъ верховнаго совѣта. «Что вы это дѣлаете?» спросила его Дашкова съ изумленіемъ.

— Мнѣ императрица приказала.

— Не можетъ быть, отвѣчала Дашкова, вы не имѣете офиціальнаго званія на это.

Въ это время принили доложить, что солдаты вломились въ дворцовые погреба и пьютъ венгерское касками, принимая его за медъ. Орловъ не двинулся. Дашкова сейчасъ отправилась внизъ, приняла грозный видъ и своимъ тоненькимъ голосомъ возстановила порядокъ. Довольная успѣхомъ, она отдала имъ всѣ деньги, бывшія съ ней, и потомъ, выворотивъ кошелекъ, сказала, что средствъ у ней меньше, нежели желанія, но что по возвращеніи въ Петербургъ имъ позволятъ пить на казенный счетъ; послѣ этого она возвратилась.

Къ дивану, на которомъ лежалъ Орловъ, былъ придвинутъ столъ, накрытый на три куверта. Взошла императрица, заняла мѣсто и пригласила сѣсть Дашкову. Все это такъ поразило княгиню, что она не могла скрыть своего волненія. Императрица замѣтила это и спросила, что съ ней?

— Ничего, отвѣчала Дашкова, вѣроятно усталь, отъ неспанныхъ ночей и отъ волненія.

Екатерина, желая вызвать Дашкову на любезности Орлову, сообщила ей, что, несмотря на всѣ ея просьбы, онъ оставляетъ военную службу и просила ее помочь ей, чтобъ его уговорить. «Меня, говорила она, обвинятъ въ страшной неблагодарности, если онъ оставитъ службу». Но Дашкова, оскорбленная своимъ открытіемъ, отвѣтила, что ея величество имѣетъ столько средствъ награждать за услуги, что ей вовсе не нужно прибѣгать къ насилію.

«Я только тогда, прибавляетъ она, убѣдилась, что между ними une liaison».

Думали, что она обидѣлась этимъ изъ ревности, и не ошиблись. Только она ревновала не Орлова; ни его, ни его братьевъ она никогда не любила и не уважала, она ревновала императрицу; ей не нравился ни выборъ, ни тонъ; а сверхъ того ея мечты объ исключительной довѣренности, о мечтательной дружбѣ, о всемогущемъ влія-

ніи блѣднѣли, изчезали передъ ея открытіемъ. И дѣйствительно, съ этого вечера у Дашковой былъ соперникъ и врагъ; она это почувствовала на другой день послѣ переворота.

Слова юродиваго Петра III объ апельсинной коркѣ стали сбываться съ чрезвычайной быстротой. Императрица на другой день послѣ своего воцаренія начинаетъ цѣнить и награждать услуги Дашковой, начинаетъ быть благодарной, т. е. перестаетъ быть другомъ.

Дашкова, послѣ торжественнаго въѣзда въ Петербургъ, отправилась къ отцу, къ дядѣ и главное взглянуть на свою малютку. Не надобно забывать, что у нашего преображенскаго сержанта есть дочь Настя, которую онъ горячо любитъ, и съ которой ему хочется поиграть, наигравшись до-сыта императорской короной. Домъ ея отца былъ полонъ солдатъ, поставленныхъ долею въ охраненіе его и долею потому, что «Романовна» была привезена къ нему въ домъ. Вадковскій присылалъ ординарца спросить, нуженъ ли весь караулъ; Дашкова, поговоривши съ нимъ по-французски, сказала дежурному офицеру, что половина солдатъ не нужна и что она ихъ отпускаетъ.

Когда она воротилась во дворецъ, Екатерина приняла ее съ недовольнымъ видомъ, караульный офицеръ былъ на лицо и говорилъ съ Орловымъ. Императрица сдѣлала Дашковой выговоръ за самовольное распоряженіе и замѣтила даже то, что она при солдатахъ говорила по-французски. Дашкова, глубоко огорченная, выслушала выговоръ, ничего не отвѣчала и, чтобъ перемѣнить разговоръ, подала Екатеринѣ ленту и орденъ, которые положила вчера въ карманъ.

«Потише, потише, сказала императрица, я должна была вамъ сдѣлать выговоръ за вашу поспѣшность, вы не имѣли права сами смѣнять солдатъ, но я также должна наградить васъ за ваши услуги», при этомъ она надѣла ей на шею возвращенную ленту.

Вмѣсто того, чтобъ стать, какъ это дѣлается въ этихъ случаяхъ, на колѣни передъ императрицей, Дашкова печально сказала ей: «в. в., простите меня за то, что я хочу сказать; приходитъ время, въ которое правда должна быть изгнана изъ вашего присутствія; предупреждая его, я прошу васъ взять назадъ этотъ орденъ; какъ украшеніе—я не умѣю его довольно цѣнить; если это награда—какъ бы она велика ни была, она не можетъ вознаградить мои услуги, онѣ ничѣмъ не могутъ быть заплачены, потому что онѣ не продажныя».

— Но, замѣтила императрица, обнимая ее и оставляя ленту, дружба имѣетъ свои права, развѣ я и ихъ лишусь теперь?

Дашкова снова довольна, цѣлуетъ ея руку и осьмнадцать лѣтъ берутъ свое, она черезъ полъ-вѣка не забываетъ съ удовольствіемъ прибавить: «Представьте себѣ меня въ мундирѣ, со шпорой на одномъ сапогѣ, съ видомъ пятнадцатилѣтняго мальчика и съ красной екатерининской лентой черезъ плечо». Новый кавалеръ скачетъ опять къ Настѣ,— ей показаться, присутствуетъ при ея ужинѣ и, наконецъ, раздѣвшись бросается въ постель; но и на этотъ разъ сонъ бѣжитъ отъ раздраженныхъ нервъ, или пугаетъ грезами; удивительныя картины послѣднихъ дней, которыя она не только прожила, но отчасти сдѣлала, безпрестанно проходятъ въ ея воображеніи.

Важное участіе ея въ 28 іюня не отрицала сама императрица; напротивъ, когда старый и лукавый Бестужевъ ей представлялся, она ему сказала: «Кто бы могъ подумать, что дочь Романа Воронцова поможетъ мнѣ сѣсть на престолъ».

Вѣсть объ убійствѣ Петра III исполнила Дашкову ужасомъ и отвращеніемъ; она до такой степени была взволнована и возмущена этимъ пятномъ «на переворотъ, который не стоилъ ни капли крови», что не могла

настолько переломить себя, чтобъ ѣхать на другой день во дворецъ. Она минуетъ въ своихъ запискахъ всѣ подробности этого гадкаго происшествія, гдѣ три офицера, изъ которыхъ одинъ былъ гигантъ, полчаса работали, чтобъ удушить салфеткой отравленнаго арестанта, какъ будто нельзя было подождать четверти часа. Она полагаетъ, что Екатерина не знала впередъ о намѣреніи А. Орлова; вѣрнѣе то, что Дашкова не имѣла понятія объ участіи Екатерины, которая тщательно умѣла скрывать, что хотѣла; о ея интригѣ съ Григорьемъ Орловымъ не только не зналъ ни Панинъ, ни другіе заговорщики, но, какъ мы сейчасъ видѣли, ни сама Дашкова.

Екатерина поняла, что было на душѣ у Дашковой, и увидѣвши ее, стала съ ужасомъ говорить о томъ, что случилось.

Да, в. в., отвѣчала Дашкова, смерть эта слишкомъ скоро и рано пришла для вашей и для моей славы.

Проходя пріемной залой, она громко при всѣхъ сказала, что, конечно, А. Орловъ поощритъ ее своимъ знакомствомъ. Слишкомъ двадцать пять лѣтъ они не кланялись и не говорили другъ съ другомъ.

Весьма вѣроятно, что Екатерина не давала приказанія убить Петра III; Александръ сдѣлалъ больше, онъ рѣшительно требовалъ, чтобъ не *убивать до смерти* Павла, отправляя къ нему ватагу крамольныхъ олигарховъ. Мы знаемъ изъ Шекспира, какъ даются эти приказанія, взглядомъ, намекомъ, молчаніемъ. Зачѣмъ Екатерина поручила надзоръ за слабодушнымъ Петромъ III злѣйшимъ врагамъ его? Пассекъ и Баскаковъ хотѣли его убить за нѣсколько дней до 27 іюня, будто она не знала этого? И зачѣмъ же убійцы были такъ нагло награждены?

Дашкова приводитъ въ оправданіе Екатерины письмо отъ Орлова къ ней, писанное тотчасъ послѣ

убійства, и которое она ей показывала. Письмо это, говоритъ она, носило явные слѣды внутренняго безпокойства, душевной тревоги, страха и нетрезваго состоянія. Письмо это береглось у императрицы въ особой шкатулкѣ съ другими важными документами. Павелъ послѣ смерти матери велѣлъ при себѣ разобрать эти бумаги князю Безбородкѣ; дойдя до этого письма, Павелъ прочелъ его императрицѣ въ присутствіи Нелидовой. Потомъ онъ велѣлъ Растопчину прочесть его великимъ князьямъ.

Я слыхалъ о содержаніи этого письма отъ достовѣрнаго человѣка, который самъ его читалъ; оно въ этомъ родѣ: «Матушка императрица, какъ тебѣ сказать, что мы надѣлали, такая случилась бѣда, заѣхали мы къ твоему супругу, и выпили съ нимъ вина; ты знаешь, каковъ онъ бываетъ хмѣльной, слово за слово, онъ насъ такъ разобидѣлъ, что дѣло дошло до драки. Глядимъ, а онъ упалъ мертвый. Что дѣлать, — возьми наши головы, если хочешь, или, милосердая матушка, подумай, что дѣла не воротишь, и отпусти нашу вину» [1]).

Дашкова, увлеченная любовью къ Екатеринѣ, вѣритъ или, по крайней мѣрѣ, притворяется, что вѣритъ, что и Мировичъ поступилъ безъ ея вѣдома; а о худшей, самой позорной и гнусной исторіи всего царствованія, о похищеніи А. Орловымъ и де-Рибасомъ княжны Таракановой совсѣмъ не упоминаетъ.

Оттого-то, между прочимъ, что она вѣрила и хотѣла вѣрить въ идеальную Екатерину, она и не могла удержаться въ милости. А она была бы славнымъ министромъ. Безспорно одаренная государственнымъ умомъ, она сверхъ своей восторженности имѣла два большихъ

[1]) Таковъ смыслъ письма, а слова я не отвѣчаю, я его повторилъ черезъ долгое время по памяти.

недостатка, помѣшавшіе ей сдѣлать карьеру; она не умѣла молчать, ея языкъ рѣзокъ, колокъ и не щадитъ никого, кромѣ Екатерины; сверхъ того, она была слишкомъ горда, не хотѣла и не умѣла скрывать своихъ антипатій, словомъ, не могла «принижать своей личности», какъ выражаются московскіе старовѣры.

Вообще дружба Екатерины съ Дашковой была невозможна. Екатерина хотѣла царить не только властію, но всѣмъ на свѣтѣ—геніемъ, красотой: она хотѣла одна обращать на себя вниманіе всѣхъ, у ней было ненасытимое желаніе нравиться. Она была еще въ полномъ блескѣ своей красоты, но ей уже стукнуло тридцать лѣтъ. Женщину слабую, потерянную въ лучахъ ея славы, молящеюся ей, не очень красивую, не очень умную она, вѣроятно, умѣла бы удержать при себѣ. Но энергическую Дашкову, говорившую о *своей собственной* славѣ, съ ея умомъ, съ ея огнемъ и съ ея девятнадцатью годами, она не могла вынести возлѣ себя.

Она отдалилась отъ нея съ быстротой истинно царской неблагодарности. Въ Москвѣ послѣ коронаціи старый грѣшникъ Бестужевъ предложилъ написать императрицѣ адресъ и просить ее отъ имени всѣхъ подданныхъ снова избрать себѣ супруга. Григорій Орловъ, тогда уже сдѣланный княземъ имперіи, мѣтилъ въ цари. Это возмутило всѣхъ порядочныхъ людей. Канцлеръ Воронцовъ попросилъ аудіенцію и предупредилъ Екатерину, предполагая, что она не знаетъ, что дѣлается. Екатерина удивилась и хотѣла намылить Бестужеву голову.

Хитровъ, одинъ изъ преданныхъ заговорщиковъ 27 іюня, громко говорилъ, что онъ скорѣе убьетъ Орлова, или пойдетъ на плаху, чѣмъ признаетъ его императоромъ. Само собой разумѣется, что при этомъ общемъ ропотѣ говорила и Дашкова; это дошло до Екатерины. Вдругъ вечеромъ секретарь императрицы Тем-

ловъ пріѣзжаетъ къ Дашкову и велитъ его вызвать. Императрица пишетъ ему слѣдующую записку: «Я искренно желаю не быть въ необходимости предать забвенію услуги княгини Дашковой за ея неосторожное поведеніе. Напомните ей это, когда она снова позволитъ себѣ нескромную свободу языка, доходящую до угрозъ».

Дашкова не отвѣчала на это письмо ни слова, держалась въ сторонѣ и стала послѣ смерти князя, случившейся въ 1768, проситься въ чужіе края. «Я очень могла ѣхать безъ спросу, говоритъ она (навѣрное не грезившая во снѣ, что черезъ восемьдесятъ лѣтъ глупый законъ почти совсѣмъ лишитъ Россію права переходить границу, и еще менѣе того, что правительство станетъ грабить по большимъ дорогамъ, принуждая каждаго путешественника платить за себя выкупъ), но мое званіе статсъ-дамы клало на меня обязанность спросить высочайшее разрѣшеніе».

Не получивъ отвѣта, она отправилась въ Петербургъ и при первомъ представленіи просила Екатерину отпустить ее за границу для излеченія дѣтей. «Мнѣ очень жаль, отвѣчала Екатерина, что такая печальная причина заставляетъ васъ ѣхать. Но безъ всякаго сомнѣнія, княгиня, вы можете располагать собой, какъ вамъ угодно».

Гдѣ это время, когда онѣ лежали подъ однимъ одѣяломъ на постели и плакали, и обнимались, или мечтали на шинели полковника Кара цѣлую ночь о государственныхъ реформахъ?

Въ чужихъ краяхъ Дашкова оживаетъ, становится опять та же гордая, неугомонная, неукротимая, дѣятельная, всѣмъ интересующаяся, всѣмъ занимающаяся.

Въ Данцигѣ на стѣнѣ въ гостинницѣ виситъ большая картина, представляющая какое-то сраженіе пруссаковъ съ русскими, въ которомъ, разумѣется, русскіе

побиты. На первомъ планѣ представлена группа нашихъ солдатъ, стоящихъ на колѣняхъ передъ пруссаками и просящихъ помилованія. Дашкова не можетъ этого вынести, она подбиваетъ двухъ русскихъ пробраться потихоньку ночью съ ней въ залу, съ масляными красками и кистями, запираетъ за ними двери и принимается съ своими товарищами перерисовывать мундиры, такъ что къ утру уже пруссаки стояли на колѣняхъ и просили пощады у русскихъ солдатъ. Окончивши картину, Дашкова послала за почтовыми лошадьми, и прежде чѣмъ хозяинъ спохватился, она уже катила по дорогѣ въ Берлинъ, отъ души смѣясь при мысли объ его удивленіи.

Въ Ганноверѣ она отправляется одна съ Каменской въ оперу. Такъ мало были онѣ похожи на добрыхъ нѣмокъ, что принцъ мекленбургскій, начальствовавшій въ городѣ, послалъ узнать, кто онѣ такія. Адъютантъ его, безъ церемоніи, взошелъ въ ложу, въ которой были еще двѣ нѣмки, и спросилъ нашихъ дамъ, не иностранки ли онѣ. Дашкова сказала, что «да». «Его свѣтлость, прибавилъ онъ, желаетъ знать, съ кѣмъ я имѣю честь говорить»?

— Имя наше, отвѣчала Дашкова, не можетъ быть интересно ни для герцога, ни для васъ; какъ женщины, мы имѣетъ право умолчать, кто мы, и не отвѣчать на вашъ вопросъ.

Сконфуженный адъютантъ ушелъ. Нѣмки, съ самаго начала почувствовавшія непреодолимое уваженіе къ нашимъ дамамъ, смотрѣли на нихъ съ подобострастіемъ, услышавъ храбрый отвѣтъ Дашковой. Видя, что нѣмки считаютъ ихъ за большихъ барынь, Дашкова, учтиво обращаясь къ нимъ, сказала, что если она не хотѣла отвѣчать дерзкому запросу принца, то передъ ними она не имѣетъ причины утаивать, кто онѣ. «Я оперная пѣвица, а моя подруга танцов-

ницца; мы обѣ безъ мѣста и нигдѣ гдѣ нибудь найти выгодный контрактъ». Нѣмки раскрыли глаза, покраснѣли до ушей и не только оставили свою вѣжливость, но старались, насколько ложа позволяла, сѣсть къ нимъ спиною.

Въ Парижѣ Дашкова окружена всѣми знаменитостями, со всѣми дружится, кромѣ Руссо; къ нему она не хочетъ ѣхать за его лицемѣрную скромность, за натянутую оригинальность. За то Дидро у нея на самой короткой ногѣ, сидитъ съ ней цѣлые вечера tête à tête и разсуждаетъ обо всемъ на свѣтѣ. Дашкова доказываетъ ему, что крѣпостное состояніе не такъ дурно, какъ думаютъ, запутываетъ его въ софизмы, и удобовпечатлительный Дидро готовъ согласиться на минуту.

Входитъ человѣкъ и докладываетъ, Мадамъ Некеръ и Мадамъ Жоффренъ пріѣхали. «Не принимать! кричитъ Дидро, не спрашиваясь Дашковой, сказать, что дома нѣтъ. Мадамъ Жоффренъ превосходнѣйшая женщина въ мірѣ, но первая трещотка въ Парижѣ; я рѣшительно не хочу, чтобъ она, не имѣя времени васъ хорошенько узнать, пошла пороть всякій вздоръ. Я не хочу, чтобъ кощунствовали надъ моимъ идоломъ». И Дашкова велитъ сказать, что она больна.

Рюльеръ, писавшій о Россіи и именно въ 1762 году, хочетъ непремѣнно ее видѣть. Дидро не велитъ принимать и его; онъ завладѣлъ Дашковой для себя.

Въ Лондонѣ Дашкова знакомится съ Паоли, но ей не нравятся его «итальянскія гримасы», не идущія великому человѣку. Въ Женевѣ она ходитъ къ Вольтеру, удивляется ему, но не можетъ не посмѣяться съ какимъ-то докторомъ надъ тѣмъ, что Вольтеръ сердится, выходитъ изъ себя, проигрывая въ шашки, и притомъ дѣлаетъ самыя уморительныя рожи. Докторъ замѣчаетъ, что эти рожи корчитъ не одинъ Вольтеръ, велитъ своей собакѣ поднять морду, и Дашкова ка-

тается сосмѣху отъ необыкновеннаго сходства. Изъ Женевы она ѣдетъ въ Спа; тамъ она живетъ въ большой интимности съ мистрисъ Гамильтонъ и, прощаясь съ ней, романически клянется пріѣхать черезъ пять лѣтъ для свиданія съ нею, если не увидится прежде, и, что еще болѣе романически, дѣйствительно пріѣзжаетъ.

Чувство дружбы самой пламенной, самой дѣятельной, чуть ли не было преобладающимъ въ этой женщинѣ, гордой и упрямой. Глубоко обиженная поведеніемъ Екатерины, она преждевременно состарилась. Дидро говоритъ, что ей съ виду казалось лѣтъ подъ сорокъ, въ то время какъ она была тогда двадцати семи лѣтъ. Любила ли она кого послѣ смерти мужа, была ли любима, этого не видать изъ записокъ; но навѣрно можно сказать, что ни одинъ мущина не игралъ никакой значительной роли въ ея жизни. Послѣ Екатерины она со всѣмъ пыломъ голоднаго сердца привязалась къ Гамильтонъ. И подъ старость дружба материнская, безконечно нѣжная, согрѣла ея жизнь; я говорю о мисъ Вильмотъ, издательницѣ ея записокъ.

Изъ Спа она возвратилась въ Москву, въ домъ своей сестры Полянской; эта Полянская съ своимъ скромнымъ прозаическимъ именемъ не что иное, какъ знаменитая «Романовна», которая легко, еслибъ не была Полянская, могла бы быть императрицей всероссійской.

Тучи, которыя заволакивали небо Дашковой, начали было расчищаться. Вліяніе Орловыхъ слабло. Императрица, узнавъ о ея пріѣздѣ, прислала ей шестьдесятъ тысячъ рублей на покупку имѣнія.

Но Дашкова рѣшительно не могла ужиться съ фаворитами и дѣйствительной близости между нею и дворомъ не было. Теперь ее начало сильно занимать воспитаніе сына; горячая поклонница англійскихъ учрежденій и Англіи, она рѣшается ѣхать съ сыномъ

въ Эдинбургъ. Къ тому же, она видитъ себя совершенно лишней въ Зимнемъ Дворцѣ.

Собираясь снова въ путь, она сосватала свою дочь за Щербинина. На дорогѣ въ деревню къ женихову брату, куда Дашкова ѣздила цѣлымъ обществомъ, чей то слуга упалъ съ козелъ, и трое саней проѣхали по немъ; онъ былъ оглушенъ и сильно ушибенъ; надобно было пустить кровь, но какъ? — у Дашковой есть съ собой портфель съ хирургическими инструментами, купленный въ Лондонѣ: она достаетъ ланцетъ, но никто не берется пустить кровь; больной остается безъ помощи, тогда Дашкова, побѣждая сильное чувство отвращенія, открываетъ ему жилу и, отлично сдѣлавъ операцію, чуть не падаетъ сама въ обморокъ.

Въ Эдинбургѣ Дашкова является окруженной первыми знаменитостями: Робертсономъ, Блеромъ, Адамомъ Смитомъ, Фергюсономъ. Она пишетъ длинныя письма къ Робертсону, излагаетъ ему подробно свой планъ воспитанія: она хочетъ, чтобъ ея сынъ, которому тогда было четырнадцать лѣтъ, окончилъ свое ученье въ два года съ половиной, и потомъ ѣхалъ на службу, сдѣлавъ путешествіе по всей Европѣ.

Робертсонъ полагаетъ, что ему нужно четыре года; Дашкова думаетъ, что это слишкомъ много. Для этого она подробно пишетъ, что сынъ ея уже знаетъ и что долженъ знать.

Языки: Латинскій. Начальныя трудности всѣ побѣждены.

Англійскій. *Князь* очень хорошо понимаетъ прозу и отчасти стихи.

Нѣмецкій. Понимаетъ совершенно все.

Французскій. Знаетъ, какъ свой собственный языкъ.

Словесность: Онъ знаетъ лучшія классическія произведенія, его вкусъ больше образованъ, чѣмъ это обыкновенно бываетъ въ его возрастъ. Онъ имѣетъ излишнюю наклонность къ критицизму, что, можетъ, составляетъ единственный недостатокъ его.

Математика: Весьма важная отрасль ученія Онъ довольно успѣлъ въ разрѣшеніи сложныхъ задачъ, но я хочу, чтобъ онъ шелъ дальше въ алгебрѣ.

Гражданская и военная архитектура: Я хочу, чтобъ онъ подробно изучилъ ихъ.

Исторія и государствен. учрежденія: Онъ знаетъ всеобщую исторію и въ особенности исторію Германіи, Англіи и Франціи, но ему слѣдуетъ еще подробнѣе пройти исторію; онъ можетъ заниматься ею дома съ учителемъ.

Теперь вотъ что я желаю, чтобъ онъ изучилъ: 1. Логику и философію мышленія (ph. of. reasoning). 2. Опытную физику. 3. Нѣсколько химіи. 4. Философію и натуральную исторію. 5. Естественное право, народное право, публичное и частное право въ приложеніи къ законодательству европейскихъ народовъ. 6. Этику. 7. Политику.

Эту обширную программу она дѣлитъ на пять семестровъ и потомъ, какъ всегда, исполняетъ ее въ точности. Сынъ ея въ 1779 году выдержалъ экзаменъ на магистра (Master of arts); говорятъ, она его замучила: изъ него, дѣйствительно, ничего не вышло; къ тому же онъ умеръ очень молодъ, но виновато ли въ этомъ ученье, — мудрено сказать.

Послѣ экзамена Дашкова тотчасъ ѣдетъ въ Ирландію, царитъ въ дублинскомъ обществѣ, сочиняетъ цер-

ковную музыку, которую поютъ въ часовнѣ Магдалины при огромномъ стеченіи народа, «желавшаго, какъ она выражается, послушать, какъ сѣверные медвѣди конпонируютъ». Вѣроятно, опытъ удался, потому что вслѣдъ затѣмъ она хлопочетъ, съ Давидомъ Гарикомъ, объ исполненіи на сценѣ ея музыкальныхъ сочиненій и пишетъ длинную инструкцію своему сыну, въ родѣ наставленій Полонія, какъ ему слѣдуетъ путешествовать...

Изъ Англіи она отправляется въ Голландію; въ Гарлемѣ она пріѣзжаетъ къ знакомому доктору и тамъ встрѣчаетъ князя Орлова, уже женатаго и въ немилости. Въ тотъ же день Орловъ пришелъ къ ней и пригомъ во время обѣда. Его посѣщеніе Дашковой «было столько же мало ожиданно, сколько мало пріятно».

— Я пришелъ къ вамъ не какъ непріятель, а какъ другъ и союзникъ, сказалъ Орловъ, садясь на кресло. Затѣмъ молчаніе съ обѣихъ сторонъ. Онъ пристально посмотрѣлъ на сына Дашковой и замѣтилъ: «Вашъ сынъ записанъ въ кирасиры, а я шефъ кавалергардскаго полка; если вы желаете, я попрошу императрицу перевести его въ мой полкъ, это ему дастъ повышеніе».

Дашкова поблагодарила его за доброе намѣреніе, но сказала, что не можетъ воспользоваться его предложеніемъ, потому что о его службѣ уже писала къ князю Потемкину и не хочетъ безъ причины сдѣлать противъ него что-либо.

— Что же тутъ непріятнаго для него? спросилъ князь, почувствовавшій жало; впрочемъ, какъ хотите, располагайте мной; вашъ сынъ сдѣлаетъ карьеру,— трудно сыскать молодаго человѣка *красивѣе* его.

Дашкова вспыхнула отъ досады, и разговоръ прекратился. Но при слѣдующей встрѣчѣ Орловъ, обращаясь прямо къ молодому Дашкову, сказалъ: «Какая жалость, что меня не будетъ въ Петербургѣ, когда вы

пріѣдете; я увѣренъ, что вы замѣните теперичнаго фаворита при первомъ появленіи при дворѣ; я съ удовольствіемъ занялся бы моей теперичной должностію — утѣшать отставныхъ».

Внѣ себя отъ негодованія Дашкова выслала сына и сказала Орлову, что она находитъ весьма неприличнымъ, что онъ такъ говоритъ съ семнадцатилѣтнимъ мальчикомъ и такъ компрометируетъ императрицу, въ уваженіи къ которой она его воспитываетъ; что касается до фаворитовъ, Дашкова просила его вспомнить, что она никогда не знала и не признавала ни одного изъ нихъ.

Послѣ этого они разъѣхались. Орловъ отправился въ Швейцарію, Дашкова въ Парижъ. Затѣмъ мы встрѣчаемъ ее, осматривающую французскія крѣпости съ сыномъ и съ полковникомъ Самойловымъ по особому дозволенію маршала Бирона. Изъ Франціи она ѣдетъ въ Италію и тутъ совершено погружается въ картины и статуи, занята камеями и антиками, покупаетъ для подарка императрицѣ картину Анжелики Кауфманъ, ѣздитъ къ папѣ, къ аббату Гальяни и, наконецъ, отправляется въ Россію черезъ Вѣну.

Въ Вѣнѣ у нея горячій споръ съ Кауницомъ. Кауницъ, у котораго она обѣдала, назвалъ Петра I политическимъ творцомъ Россіи. Дашкова замѣтила ему, что это западный предразсудокъ. Кауницъ не сдался, Дашкова еще меньше. Она соглашалась, что Петръ сдѣлалъ чрезвычайно много для Россіи, но находила, что матеріалъ былъ готовъ и что рядомъ съ геніальнымъ употребленіемъ его онъ его безчеловѣчно гнулъ и ломалъ.

– Еслибъ онъ въ самомъ дѣлѣ былъ великимъ государственнымъ человѣкомъ, онъ сношеніями съ другими народами, торговлей, не торопясь, достигнулъ бы того, до чего дошелъ насиліемъ и жестокостію. Дво-

рянству и крѣпостнымъ стало хуже отъ его необузданной страсти къ нововведеніямъ; у однихъ онъ отнялъ охраняющій судъ(?), къ которому они только и могли прибѣгать въ случаѣ притѣсненій; у другихъ отнялъ всѣ привилегіи. И для чего все это? Для того, чтобъ расчистить дорогу военному деспотизму, т. е. самой худшей формѣ правленія изъ всѣхъ существующихъ. Изъ одного тщеславія онъ такъ торопился обстроить Петербургъ, что сгубилъ тысячи работниковъ въ болотахъ. Онъ не только обязывалъ помѣщиковъ ставить извѣстное число крестьянъ, но заставлялъ ихъ поневолѣ строить себѣ домы, по собственнымъ своимъ планамъ, не спрашивая ихъ, нужны они имъ или нѣтъ. Одно изъ главнѣйшихъ зданій — адмиралтейство и доки, стоившее очень много, поставлено на берегу рѣки, которую никакой трудъ человѣческій не сдѣлаетъ судоходной, не только для военныхъ кораблей, но и для купеческихъ.

— Однакожъ, замѣтилъ Кауницъ, все же нельзя безъ умиленія видѣть монарха, который самъ съ топоромъ въ рукѣ учится на корабельной верфи.

Неумолимая Дашкова и этого не пропустила. «Ваше превосходительство, отвѣтила она, вѣрно шутите. Кто можетъ лучше васъ знать, какъ дорого время для монарха и есть ли ему досугъ заниматься какимъ нибудь мастерствомъ. Петръ I имѣлъ средства выписать не только корабельщиковъ, но и адмираловъ. Мнѣ кажется, что теряя время въ Саардамѣ, работая топоромъ и учась площаднымъ голландскимъ поговоркамъ и корабельнымъ терминамъ, которыми онъ исказилъ русскій языкъ, онъ просто забылъ свой долгъ».

Я предвижу, какъ возвеселятся православныя души московскихъ славянъ при чтеніи этого спора; они должны непремѣнно въ родительскую субботу помянуть блинами съ постнымъ масломъ нашу княгиню!

Іосифъ II былъ боленъ; онъ желалъ, чтобъ Дашкова осталась еще нѣсколько дней, но она получила приглашеніе для себя и для сына отъ Фридриха II присутствовать на его маневрахъ. Она видѣлась, впрочемъ, съ Іосифомъ II запросто въ кабинетѣ естественной исторіи.

Черезъ недѣлю Дашкова на маневрахъ, гдѣ Фридрихъ II учитъ 42,000 человѣкъ и куда онъ никогда не пускалъ женщинъ, но Дашкову особенно пригласилъ. Сама принцесса заѣзжала за ней, довезла до мѣста, гдѣ король хотѣлъ встрѣтиться съ княгиней, и просила ее выйти изъ кареты, говоря: «Милая княгиня, король хочетъ съ вами здѣсь встрѣтиться, но такъ какъ я не имѣю ни малѣйшаго желанія видѣть этого стараго ворчуна, то я поѣду дальше». И Дашкова остается въ *невинномъ* tête à tête съ Фридрихомъ II, который беретъ съ собой ее и сына на военную инспекцію провинцій.

Въ іюлѣ 1782 года Дашкова возвратилась въ Петербургъ. Императрица назначила ее президентомъ Академіи наукъ. Дашкова сначала, кажется, въ первый разъ отроду, смѣшалась и хотѣла отказаться. Она написала рѣзкое письмо къ императрицѣ и въ двѣнадцать часовъ ночи поѣхала съ нимъ къ Потемкину. Потемкинъ былъ уже въ постели, однако принялъ ее. Онъ прочиталъ письмо, изорвалъ его и бросилъ на полъ, но видя, что Дашкова сердится, сказалъ ей: «Тутъ есть перо и бумага, пишите, пожалуй, опять, но только все это вздоръ, зачѣмъ вы отказываетесь, императрица носится второй день съ этой мыслію. Въ этомъ званіи вы будете чаще видѣться съ ней; а дѣло-то въ томъ, сказать по правдѣ, что она со скуки пропадаетъ, постоянно окруженная дураками».

Краснорѣчіе Потемкина побѣдило Дашкову; она ѣдетъ въ сенатъ присягать на новую должность, и съ той минуты становится президентомъ consommé. Она

просила знаменитаго старца Эйлера ввести ее въ конференц-залу Академіи; ей хотѣлось явиться подъ эгидой науки передъ академиками. Она представилась имъ не молча, какъ вообще русскіе президенты, а съ рѣчью, послѣ которой видя, что первое мѣсто возлѣ президента занято Штеллиномъ, она обернулась къ Эйлеру и сказала: «Сядьте, гдѣ вамъ угодно, каждое мѣсто, занятое вами, будетъ первое».

Потомъ она съ обычной дѣятельностью своей принимается за искорененіе злоупотребленій, т. е. кражъ; увеличиваетъ число воспитанниковъ, улучшаетъ типографію и, наконецъ, предлагаетъ императрицѣ основаніе русской академіи. Екатерина назначаетъ ее президентомъ и въ новой академіи. Дашкова опять произноситъ рѣчь. «Вамъ извѣстны, господа, говоритъ она, между прочимъ, богатство и обиліе нашего языка. Переведенное на него мощное краснорѣчіе Цицерона, мѣрное величіе Виргилія, увлекательная прелесть Демосѳена и легкой языкъ Овидія, не теряютъ ничего изъ своихъ красотъ... но намъ недостаетъ точныхъ правилъ, предѣлы и значенія словъ не опредѣлены, въ нашъ языкъ вошло много иностранныхъ оборотовъ»; а потому она и предлагаетъ работать надъ грамматикой и надъ русскимъ академическимъ словаремъ. Она сама собирается дѣлить труды академиковъ и дѣйствительно принимается за словарь. Казалось, императрица была довольна ею. Дѣятельность Дашковой въ это время поразительна. Она предпринимаетъ изданіе спеціальныхъ географическихъ картъ разныхъ губерній, издаетъ періодическое обозрѣніе «Любители русскаго слова», въ немъ участвуетъ сама императрица, фонъ Визинъ, Державинъ и пр.

Ея отношенія къ императрицѣ явнымъ образомъ лучше. Между ними снова завязывается переписка; переписка идетъ объ издаваемомъ ими обозрѣніи, о

разныхъ литературныхъ предметахъ. Письма эти, имѣющія мало общаго интереса, чрезвычайно рѣзко показываютъ, насколько хорошій тонъ, образованность, человѣчность попизились въ Зимнемъ Дворцѣ. Екатерина не отдаетъ приказы, не командуетъ записками, не держится въ условныхъ формахъ, не боится шутки; она увѣрена въ себѣ, и императрица часто уступаетъ умной женщинѣ. Прусско-гатчинскій тонъ, приведенный въ канцелярскую форму Николаемъ, замѣнилъ грубой безграмотностью мягкость образованнаго языка.

Все было бы хорошо, еслибъ только Дашкова могла ужиться съ фаворитами; она еще всѣхъ лучше ладила съ Потемкинымъ, можетъ, потому, что Потемкинъ былъ умнѣе ихъ всѣхъ; съ Ланскимъ, потомъ съ Мамоновымъ она была на ножахъ, Зубовъ ябедничалъ на нее и много вредилъ ей.

Лѣтомъ 1783 года, Дашкова была въ Финляндіи съ императрицей, имѣвшей тамъ свиданіе съ шведскимъ королемъ. Ланской присталъ къ Дашковой, почему въ вѣдомостяхъ, издававшихся при академіи, изъ лицъ, бывшихъ при императрицѣ, упомянута она одна. Дашкова объяснила ему, что это вовсе не ея вина, что статьи о дворѣ присылаются готовыми и печатаются безъ измѣненія. Ланской продолжалъ дуться и ворчать, это надоѣло Дашковой. «Послушайте, сказала она ему, вы должны знать, что хотя для меня всегда честь и счастье обѣдать съ императрицей, но я право не могу этому до того дивиться, чтобъ печатать въ газетахъ. Я слишкомъ привыкла къ этому: ребенкомъ я обѣдывала на колѣняхъ у императрицы Елизаветы, дѣвочкой за ея столомъ. Для меня это слишкомъ натурально, чтобъ хвастаться».

Ланской разгорячился, но Дашкова, видя, что зала начинаетъ наполняться, подняла голосъ и громко сказала: «Милостивый государь, люди, которыхъ вся

жизнь была посвящена общественному благу, не всегда имѣютъ особенную силу и счастье, но всегда въ правѣ требовать, чтобъ съ ними обращались безъ дерзости. Тихо продолжая свой путь, они переживаютъ всѣ эти метеоры одного дня, которые лопаются и пропадаютъ безслѣдно».

Растворились двери и взошла императрица. Ея появленіе окончило разговоръ. Какъ же Ланскому было ее не ненавидѣть? Хорошо еще, что онъ скоро умеръ.

Возвратившись изъ Финляндіи, Дашкова принимаетъ у себя своего друга, мистрисъ Гамильтонъ; она везетъ ее съ собою въ новую деревню, тамъ она дѣлаетъ сельской праздникъ, встрѣчаетъ съ хлѣбомъ и солью переселенныхъ мужиковъ, представляетъ ихъ англичанкѣ и объявляетъ имъ, что отселѣ новая деревня будетъ называться Гамильтоново. Послѣ этого она съ ней ѣздитъ по другимъ имѣніямъ, въ Калужской, Смоленской, Кіевской и Тамбовской губерніяхъ.

На слѣдующій годъ Дашкова была поражена семейнымъ несчастіемъ. Сынъ ея былъ въ арміи у Румянцова, мать была довольна, что его не было въ Петербургѣ. Подъ конецъ и Потемкинъ имѣлъ на него виды. Онъ прислалъ разъ за нимъ, поздно вечеромъ, Самойлова, и Самойловъ намекалъ матери о ихъ проектѣ. Дашкова отказывалась участвовать въ немъ и сказала, что если это случится, она воспользуется силой своего сына, чтобъ выхлопотать себѣ многолѣтній заграничный отпускъ. Поэтому-то она и была довольна, что сынъ ея уѣхалъ въ Кіевъ. Но въ Кіевѣ его ждала другая стрѣла любви, не сверху, а снизу.

Однажды, выходя изъ спальни императрицы, Дашкова встрѣтилась съ Ребиндеромъ; тотъ добродушно поздравилъ ее съ вступленіемъ ея сына въ законный бракъ. Дашкова остолбенѣла. Ребиндеръ смѣшался, онъ не имѣлъ понятія, что сынъ Дашковой обвѣнчался

тайно. Она была обижена, какъ мать и какъ гордая женщина; съ одной стороны, mésalliance, съ другой, недовѣріе. Ударъ сильно палъ на ея грудь, она занемогла.

Черезъ два мѣсяца сынъ написалъ ей письмо, въ которомъ просилъ ея дозволенія жениться; новый ударъ, ложь, робость, обманъ. Къ тому же онъ такъ мало зналъ нравъ своей матери, что вмѣстѣ съ своимъ письмомъ прислалъ письмо отъ фельдмаршала Румянцова, явнымъ образомъ написанное по его просьбѣ. Румянцовъ убѣждалъ Дашкову разрѣшить сыну бракъ, говорилъ о предразсудкахъ аристократическаго происхожденія и непрочности богатствъ и дошелъ, по словамъ Дашковой, до такой нелѣпости, что, не имѣя по своимъ отношеніямъ никакого на то права, давалъ совѣтъ въ дѣлѣ такой важности между матерью и сыномъ.

Уязвленная съ двухъ сторонъ, Дашкова написала саркастическое письмо къ Румянцову, въ которомъ объясняла ему: «Что между разными глупостями, которыми полна ея голова, по счастію нѣтъ особенно преувеличеннаго уваженія къ аристократическому происхожденію; но что еслибъ она была одарена такимъ замѣчательнымъ краснорѣчіемъ, какъ графъ, то употребила бы его на то, чтобъ показать превосходство хорошаго воспитанія надъ дурнымъ».

Къ сыну письмо ея поразительно просто, вотъ оно. «Когда твой отецъ вознамѣрился жениться на графинѣ Воронцовой, онъ на почтовыхъ поѣхалъ въ Москву испросить позволеніе своей матери. Ты женатъ: я это знала прежде, да знала и то, что моя свекровь не больше меня заслуживала имѣть друга въ своемъ сынѣ».

Должно быть и послѣ этого объясненія, семейныя дѣла ее много огорчали. Ея дочь разсталась съ мужемъ. Миссъ Вильмотъ пропустила нѣсколько страницъ въ запискахъ, послѣ которыхъ Дашкова продолжаетъ такъ:

«Все было черно въ будущемъ и въ настоящемъ... я такъ изстрадалась, что иной разъ приходила мнѣ въ голову мысль о самоуничтоженіи».

Итакъ демонъ семейныхъ непріятностей сломилъ и ее, такъ, какъ сломилъ многихъ сильныхъ. Семейныя несчастія оттого такъ глубоко подтачиваютъ, что они подкрадываются въ тиши и что борьба съ ними почти невозможна; въ нихъ побѣда бываетъ худшее. Они вообще похожи на яды, о присутствіи которыхъ узнаешь тогда, когда болью обличается ихъ дѣйствіе, т. е. когда человѣкъ уже отравленъ...

Между тѣмъ пришла и французская революція. Екатерина, состарившаяся, изнесившаяся въ развратѣ, бросилась въ реакцію. Это ужъ не заговорщица 27 іюня, говорившая Бецкому: «Я царствую по волѣ Божіей и по избранію народному», не петербургскій корреспондентъ Вольтера, не переводчикъ Беккаріи и Филанжери, разглагольствующій въ «Наказѣ» о вредѣ цензуры и о пользѣ собранія депутатовъ со всего царства русскаго. Въ 1762 г. мы въ ней находимъ старуху, боящуюся мысли, достойную мать Павла... и какъ бы въ залогъ того, что дикая реакція еще надолго побьетъ всѣ ростки вольнаго развитія на Руси, передъ ея смертью родился Николай; умирающая рука Екатерины могла еще поласкать этотъ страшный тормазъ, которому было назначено скомандовать «баста» петровской эпохѣ и тридцать лѣтъ задерживать путь Россіи!

Дашкова, аристократка и поклонница англійскихъ учрежденій, не могла сочувствовать революціи; но еще менѣе могла она раздѣлять лихорадочную боязнь слова, рукоплескать наказаніямъ за мысль.

Екатерина испугана брошюркой Радищева; она видитъ въ ней «набатъ революціи». Радищевъ схваченъ и сосланъ безъ суда въ Сибирь. Братъ Дашковой —

Александръ Воронцовъ, любившій и покровительствовавшій Радищеву, вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Москву.

Чередъ за Дашковой. Вдова Княжнина просила Дашкову издать въ пользу дѣтей его послѣднюю трагедію ея мужа на счетъ академіи. Сюжетъ былъ взятъ изъ исторіи покоренія Новагорода. Княгиня велѣла ее напечатать. Фельдмаршалъ Салтыковъ, «котораго, говоритъ Дашкова, нельзя было обвинить, чтобъ онъ когда либо прочелъ какую нибудь книгу», прочелъ именно эту и натолковалъ Зубову о ея вредномъ направленіи, Зубовъ сказалъ императрицѣ. На другой день петербургскій полицмейстеръ пріѣхалъ въ библіотеку академіи обирать экземпляры зажигательной трагедіи якобинца Княжнина, а вечеромъ самъ генералъ-прокуроръ Самойловъ пріѣхалъ къ Дашковой объявить о неудовольствіи императрицы за изданіе въ свѣтъ опасной пьесы. Дашкова холодно отвѣчала ему, что вѣрно никто не читалъ эту трагедію и что она, безъ сомнѣнія, меньше вредна, чѣмъ французскія пьесы, которыя даютъ въ Эрмитажѣ.

Экъ-либеральная Екатерина встрѣтила Дашкову съ нахмуреннымъ челомъ.— Что я такое сдѣлала, спросила она ее, что вы *печатаете противъ* меня и моей власти такія опасныя книги».

— И ваше величество въ самомъ дѣлѣ это думаетъ? спросила Дашкова.

— «Трагедію эту слѣдовало бы сжечь рукою палача».

— Сожгутъ ли ее рукой палача или нѣтъ, это не касается до меня. Мнѣ отъ этого не придется краснѣть. Но ради Бога, государыня, прежде чѣмъ вы рѣшитесь на дѣйствіе, столь противоположное вашему характеру, прочтите всю пьесу.

На этомъ разговоръ и окончился. На другой день Дашкова явилась на большой выходъ и рѣшилась, если

императрица не позоветъ ее, какъ это всегда бывало, въ свою уборную,—подать въ отставку. Изъ внутреннихъ комнатъ вышелъ Самойловъ. Онъ съ видомъ покровительства подошелъ къ Дашковой и сказалъ ей, чтобъ она была покойна, что императрица не гнѣвается на нее.

Дашкова и этого не могла вынесть и отвѣчала ему по своему обыкновенію громкимъ голосомъ: «Я не имѣю причины безпокоиться, у меня совѣсть чиста. Мнѣ было бы очень прискорбно, еслибъ императрица сохранила несправедливое чувство ко мнѣ; но я не удивилась бы и тогда,—въ мои лѣта несправедливости и несчастія давно перестали удивлять меня».

Императрица помирилась съ ней и хотѣла ей еще разъ объяснить, почему она такъ поступила. Дашкова вмѣсто отвѣта отвѣчала ей: «Между нами, государыня, пробѣжала сѣрая кошка, не будемте ее снова вызывать».

Но Петербургъ становится ей тяжелъ, онъ ей надоѣдаетъ, она «чувствуетъ себя совершенно одинокой въ этой средѣ, которая становится ей съ каждымъ днемъ противнѣе». Отвращеніе это было такъ велико, что Дашкова рѣшилась оставить дворъ, Петербургъ, свою публичную дѣятельность, свою академію наукъ и россійскую академію, наконецъ, свою императрицу и ѣхать хозяйничать въ деревню.

«Съ глубокой горестью думала я о томъ, что разстаюсь, можетъ, на всегда съ государыней, которую я любила страстно и любила гораздо прежде, нежели она была на тронѣ,— когда *она* имѣла меньше средствъ осыпать меня благодѣяніями, нежели я находила случаевъ оказывать ей услуги. Я продолжала любить ее, несмотря на то, что она не всегда относительно меня поступала такъ, какъ бы ей подсказывало ея собственное сердце, ея собственная голова».

Только! — и ни слова досады, порицанія за совер-

шенное отсутствіе сердца, за неблагодарность, она и тутъ даетъ почувствовать, что виновата не Екатерина, а *другіе*.

Прощаніе этихъ женщинъ было замѣчательно. Императрица сказала ей сухо и съ злымъ лицомъ: «Желаю вамъ счастливаго пути». Дашкова удивилась; не поняла ничего и вышла вонъ, поцѣловавъ ея руку. На другой день утромъ пріѣхалъ къ ней Трощинскій, секретарь императрицы, и отъ ея имени вручилъ ей незаплоченный счетъ портного, работавшаго на Щербинина. Императрица велѣла ей сказать, что она удивляется, какъ Дашкова можетъ ѣхать изъ Петербурга, не исполнивъ обѣщанія заплатить долги дочери. Зубовъ, ненавидѣвшій Дашкову и покровительствовавшій портному, довелъ эти дрязги до императрицы. Оказалось въ дополненіе, что счетъ былъ вовсе не Щербининой, а ея мужа, который жилъ съ нею врозь.

Дашкова, совершенно возмущенная этимъ униженіемъ, твердо рѣшилась на вѣки оставить Петербургъ.

Но такія натуры не складываютъ рукъ въ пятьдесятъ лѣтъ съ чѣмъ нибудь и въ полномъ обладаніи силъ. Дашкова дѣлается отличной хозяйкой, строитъ домы, чертитъ планы и разбиваетъ парки. Въ ея саду не было ни одного дерева, ни одного куста который бы она не посадила или которому бы она не отвела мѣста. Она отстроила четыре дома и съ гордостью говоритъ, что мужики ея одни изъ богатѣйшихъ въ околодкѣ.

Середь этихъ сельскихъ заботъ и построекъ, вдругъ пріѣзжаетъ Сенуховскій предводитель съ разстроеннымъ лицомъ. «Что съ вами?» спрашиваетъ Дашкова. — Развѣ вы не знаете? отвѣчаетъ предводитель, императрица скончалась.

Дочь Дашковой бросилась къ ней, думая, что ей дурно. «Нѣтъ, нѣтъ, не безпокойся за меня, сказала Дашкова, мнѣ ничего, да и умереть въ эту минуту

было бы счастіе. Судьба моя хуже, мнѣ назначено еще увидѣть всѣ благія начинанія уничтоженными и мое отечество надшимъ и несчастнымъ».

При этихъ словахъ у нея сдѣлались спазмы, и она отдалась чувству глубокаго горя.

Дашкова не замедлила испытать на себѣ державную руку повреждennаго сына Петра III. Сначала она получила указъ о своей отставкѣ; Дашкова просила генералъ-прокурора Самойлова засвидѣтельствовать ея благодарность государю за снятіе съ нея бремени, которое становится ей не подъ силу нести.

Спустя нѣсколько времени, Дашкова поѣхала въ Москву. Но къ ней тотчасъ явился московскій генералъ-губернаторъ и объявилъ ей приказъ Павла немедленно ѣхать назадъ въ деревню и тамъ вспоминать 1762 г. Дашкова отвѣчала, «что она никогда не забывала этотъ годъ, но что, сообразаясь съ волею государя, она будетъ размышлять о времени, которое равно не оставило ей ни угрызеній совѣсти, ни раскаянія».

Братъ ея Александръ, желая успокоить ее, говорилъ ей, что Павелъ все это дѣлаетъ теперь для возстановленія памяти своего отца, что послѣ коронаціи дѣла пойдутъ лучше. Дашкова пишетъ ему, пріѣхавъ въ Троицкое: «Любезнѣйшій братъ, вы пишите мнѣ, что Павелъ послѣ коронаціи оставитъ меня въ покоѣ. Повѣрьте мнѣ, что вы очень ошибаетесь въ его характерѣ. Когда тиранъ разъ ударилъ свою жертву, то онъ будетъ повторять удары до тѣхъ поръ, пока сокрушитъ ее окончательно. Сознаніе невинности и чувство негодованія послужатъ мнѣ вмѣсто мужества, чтобъ перенести невзгоду, до тѣхъ поръ, пока и васъ, мои родные, не захватитъ его расходившаяся злоба. Въ одномъ будьте увѣрены, что никакія обстоятельства не заставятъ меня ничего ни сдѣлать, ни сказать, чтобы могло меня унизить».

«Разсматривая мою прошлую жизнь, прибавляетъ она, я не безъ внутренняго утѣшенія сознаю въ себѣ довольно твердости характера, испытаннаго многими несчастіями, чтобъ не быть увѣренной, что я снова найду силу перенести новыя бѣдствія».

Она вѣрно поняла характеръ этого добивающаго, горячечнаго, мелкаго тирана. Едва прошло нѣсколько дней послѣ ея пріѣзда въ Троицкое, какъ явился изъ Москвы курьеръ отъ генералъ-губернатора. Павелъ приказывалъ Дашковой немедленно ѣхать въ деревню своего сына, въ какой-то дальній уѣздъ новгородской губерніи и тамъ ждать дальнѣйшихъ его приказаній.

Дашкова отвѣчала, что она готова исполнить волю государя и что ей совершенно безразлично, гдѣ она окончитъ свои дни, но что она совсѣмъ не знаетъ ни этого имѣнья, ни дороги туда, что ей надобно выписать изъ Москвы или управляющаго ея сына, или какого нибудь крестьянина изъ той деревни, знающаго проселочныя дороги.

Собравшись и доставши проводника, Дашкова поѣхала зимой въ стужу и притомъ на долгихъ въ свою ссылку; окруженная архаровскими шпіонами, сопровождаемая добрымъ родственникомъ своимъ Лантевымъ, котораго она не могла уговорить, чтобъ онъ не ѣздилъ и не подвергался бы страшнымъ гоненіямъ опьянѣвшаго самовластія.

Но какъ первое условіе помѣшательства состоитъ именно въ непослѣдовательности, то Дашкова тутъ ошиблась, и когда Павлу донесли о томъ, что Лантевъ ее провожалъ, онъ сказалъ: «это не такая юбка, какъ наша молодежь, онъ умѣетъ носить штаны».

Обыкновенно подобнаго рода мимолетнымъ проблескамъ человѣческаго чувства у Павла и у другихъ даютъ гораздо больше цѣны, чѣмъ они заслуживаютъ. Что сдѣлалъ бы Павелъ, еслибъ вся молодежь умѣла

«носить штаны» такъ, какъ Лаптевъ, — развѣ у него мало было Архаровыхъ, Аракчеевыхъ, Обольяниновыхъ, чтобъ ихъ пытать, ковать въ цѣпи и ссылать. (Палепъ и Бенигсенъ показали ему, впрочемъ, что «носить штаны» можно еще лучше!)

Въ этихъ оправданіяхъ жертвъ лежитъ послѣднее довершающее оскорбленіе, ими злодѣи примиряются съ своей совѣстью. Потемкинъ разъ при Сегюрѣ ударилъ какого-то полковника и, спохватившись, сказалъ послу: «Какъ же съ ними иначе поступать, когда они все выносятъ».

А какъ отвѣчалъ бы Потемкинъ на его пощечину или на вызовъ?...

Дашкова поселилась въ крестьянской избѣ; для дочери заняли другую и третью для кухни. Къ прочимъ неудобствамъ этой жизни въ захолустьѣ присоединилось то, что, для сокращенія дороги, зимой ссыльныхъ въ Сибирь изъ Петербурга водили мимо оконъ Дашковой. Образъ одного молодого офицера долго преслѣдовалъ ее; это былъ какой-то дальній родственникъ ея; узнавъ, что Дашкова тутъ, онъ пожелалъ ее видѣть; какъ ни опасно было такое свиданіе, но она приняла его. Судорожное подергиваніе лица и болѣзненный видъ поразили Дашкову; это было слѣдствіе пытокъ, которыми были свихнуты и расчленены его члены. Что же сдѣлалъ этотъ преступникъ? Онъ въ казармахъ что-то сказалъ о Павлѣ, и на него донесли. А, вѣдь, можетъ и онъ хорошо «носилъ штаны» до тѣхъ поръ, пока не свихнули ему рукъ!

Передъ весеннимъ разливомъ рѣкъ, которыя на долгое время отрѣзали бы Дашкову отъ всякихъ сообщеній, она написала письмо къ императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ и вложила въ него просьбу о разрѣшеніи ей переѣхать въ Калужскую деревню. Тонъ письма ея къ Павлу не могъ ему понравиться; она говорила въ немъ,

что, можетъ, столько же недостойно ей писать это письмо, сколько недостойно его читать, но что религія и человѣколюбіе ставятъ ей въ обязанность сдѣлать послѣдній опытъ, чтобъ избавить всѣхъ своихъ отъ тяжелой ссылки.

Павелъ по обыкновенію взбѣсился и велѣлъ отобрать у Дашковой бумагу и чернила, воспретить ей всякую переписку, усилить надзоръ, и не знаю, что еще, «Меня, говорилъ онъ, не такъ легко свергнуть съ престола». Съ этимъ былъ отправленъ курьеръ. Но императрица и Нелидова подъучили великаго князя Михайла Павловича умилосердить разъяреннаго отца и маленькой фаня Амбургъ съ помощью жены и любовницы успѣли. Павелъ схватилъ перо и написалъ: «Княгиня Екатерина Романовна, такъ какъ вы желаете возвратиться въ ваше калужское имѣнье, то я вамъ оное разрѣшаю; пребываю къ вамъ благосклонный Павелъ».

Пришлось Архарову отправлять другого курьера, по счастію второй обогналъ перваго.

Въ 1798 году, Павелъ вдругъ полюбилъ князя Дашкова, осыпалъ всякими незаслуженными милостями и подарилъ ему имѣнье. Дашковъ просилъ Куракина доложить Павлу, что онъ желаетъ вмѣсто имѣнья разрѣшить его матери жить, гдѣ она хочетъ. Павелъ разрѣшилъ съ тѣмъ, чтобъ она никогда не оставалась въ томъ городѣ, гдѣ онъ.

Мать была прощена. Теперь пришла очередь сына. Судили какого-то Алтести за злоупотребленія, а, главное, за его близость съ Зубовымъ. Дашковъ сказалъ Лопухину, что Алтести правъ. Вечеромъ онъ получилъ слѣдующую цидулку:

«Такъ какъ вы мѣшаетесь въ дѣла, до васъ не касающіяся, то я васъ отставилъ отъ вами занимаемыхъ должностей.

Павелъ».

Дашковъ, боясь худшаго, отправился въ свое тамбовское имѣнье.

Наконецъ, 12 марта 1801 года жизнь Павла «пришла къ концу», какъ говоритъ Дашкова; она съ умиленіемъ и глубокой радостью узнала, что этотъ вредный человѣкъ пересталъ существовать. «Сколько разъ, продолжаетъ она, благодарила я небо за то, что Павелъ сослалъ меня, онъ меня спасъ этимъ отъ унизительной обязанности являться при дворѣ такого государя».

При Александрѣ она снова свободно вздохнула... при его дворѣ ей можно было явиться, не отказываясь отъ своего человѣческаго достоинства, но она уже себя не чувствуетъ дома въ новой сферѣ. Многое перемѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ Екатерина посылала ей счетъ портного. Старуха Дашкова сердится на молодое поколѣніе, окружающее Александра, и находитъ, что всѣ они или *якобинцы*, или капралы.

Одно свѣтлое явленіе останавливаетъ ее, и она съ почтительной любовью, съ благоговѣніемъ смотритъ на него и привязывается къ нему; грустное и никѣмъ не оцѣненное, это задумчивое существо печально прошло залами зимняго дворца и исчезло, какъ тѣнь; объ немъ забыли бы, еслибъ иной разъ мы не встрѣчали на стѣнахъ извѣстной картины 1815 года, представляющей императора Александра I съ императрицей *Елисаветой Алексѣевной* примирителями Европы.

Къ запискамъ Дашковой миссъ Вильмотъ приложила прекрасно сдѣланный портретъ Елисаветы Алексѣевны; несчастная женщина стоитъ, сложивъ руки; грустно смотритъ она съ бумаги, внутренняя печаль и какое-то недоумѣніе видны въ глазахъ, вся фигура выражаетъ одну мысль: «я здѣсь чужая»; она даже какъ-то такъ подобрала платье и складки, какъ будто сейчасъ готова уйти.

Какая странная судьба ея и Анны Павловны, жены цесаревича!

Послѣ коронаціи, Дашкова увидѣла, что ей нѣтъ въ самомъ дѣлѣ мѣста при новомъ дворѣ, и стала собираться на покой въ Троицкое. Въ своемъ почетномъ удаленіи она снова становится властью. Къ ней ѣздятъ родные и знакомые, потухающія знаменитости и восходящія свѣтила.

Ступивъ за твой порогъ.
Я вдругъ переношусь во дни Екатерины:
Ты, не участвуя въ волненіяхъ мірскихъ,
Порой насмѣшливо въ окно глядишь на нихъ
И видишь оборотъ во всемъ кругообразный:
Такъ, вихорь дѣлъ забывъ для музъ и нѣги праздной,
Въ тѣни порфирныхъ бань и мраморныхъ палатъ,
Вельможи римскіе встрѣчали свой закатъ.
И къ нимъ издалека то воинъ, то ораторъ,
То консулъ молодой, то сумрачный диктаторъ
Являлись день-другой роскошно отдохнуть,
Вздохнуть у пристани и вновь пуститься въ путь.

Сама Дашкова часто наѣзжала въ Москву. Въ ней она пользовалась большимъ уваженіемъ, царила, какъ законодательница тона и вкуса: вѣчно дѣятельная и неутомимая, она являлась на балы и обѣды и притомъ всѣхъ раньше. Молодыя дамы и барышни трепетали ея суда и замѣчаній, мужчины добивались чести быть ей представленными.

На другомъ краю Москвы, не далеко отъ Донского монастыря, въ дворцѣ, окруженномъ садами, доживалъ свой вѣкъ другой живой памятникъ екатерининскихъ временъ. Жилъ онъ угрюмо, сохраняя вопреки лѣтъ свое атлетическое сложеніе и дикую энергію своего характера. Онъ въ 1796 г. съ нахмуреннымъ челомъ, но безъ раскаянія провесъ по всему Петербургу корону человѣка, имъ задушеннаго; сотни тысячъ человѣкъ указывали на него пальцемъ; его товарищъ, князь Барятинскій блѣдиѣлъ и былъ близокъ къ обмороку; старикъ жаловался только на подагру.

Но суровая жизнь его не должна была пройти несогрѣтою. Возлѣ него подростала дѣвочка кроткая, нѣжная, необыкновенно граціозная и исполненная талантовъ. Ею надменный старикъ сталъ жить сердцемъ: онъ сдѣлался ея няней, холилъ ее, берегъ, ухаживалъ за нею и любилъ безмѣрно, какъ только могла бы ее любить покойная мать.

Сидя на своемъ диванѣ, онъ заставлялъ свою дочь плясать по-цыгански и по-русски, съ упоеньемъ и внутренней гордостью слѣдилъ за ея движеніями, утирая иногда слезу съ глазъ, которые сухо и жестокосердно видали столько ужасовъ.

Пришло, наконецъ, время старику вывести въ свѣтъ свое сокровище; но кому поручить ее, въ чье женское покровительство отдать этотъ береженый цвѣтокъ? Есть, правда, одна женщина, которой бы онъ повѣрилъ, которая могла бы съ своимъ необыкновеннымъ тактомъ направить ея первые шаги, — это княгиня Дашкова; но они въ ссорѣ. Она не простила ему, что сорокъ два года тому назадъ онъ занятналъ ея революцію.

И вотъ надменный Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, Орловъ Чесменскій, котораго и Павелъ не сломилъ, заискиваетъ милостиваго пріема у княгини Екатерины Романовны и, получивъ дозволеніе представить ей свою дочь, торопится съ радостью воспользоваться имъ и ѣдетъ къ ней съ своей Анпушкой.

Дашкова вышла къ нему на встрѣчу; кланяясь, цѣловалъ старикъ у нея руку; оба были взволнованы, наконецъ, Дашкова сказала ему: «Такъ много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались съ вами, графъ, и столько событій измѣнили міръ, въ которомъ мы нѣкогда жили, что мнѣ, право, кажется, что мы теперь встрѣчаемся тѣнями на томъ свѣтѣ. Присутствіе этого ангела (прибавила она, съ чувствомъ прижимая къ груди дочь своего бывшаго врага), вновь со-

единяющаго насъ, еще больше поддерживаетъ эту мысль».

Орловъ въ восторгѣ цѣлуетъ руку у миссъ Вильмотъ, которая его боится, несмотря на то, что называетъ его «величавымъ старцемъ», и съ удивленіемъ видитъ на его груди портретъ Екатерины, покрытый однимъ алмазами, гайдуковъ, стоящихъ въ передней, и съ ними карлу, шутовски одѣтаго.

Графъ зоветъ Дашкову къ себѣ и дѣлаетъ одинъ изъ тѣхъ баснословныхъ пировъ, о которыхъ мы слыхали преданія въ дѣтствѣ, пировъ, напоминающихъ Версаль и Золотую Орду. Сады горятъ огнями, домъ настежь, толпы дворовыхъ въ богатыхъ маскарадныхъ костюмахъ наполняютъ залы, музыка гремитъ, столы ломятся; словомъ, пиръ горой. Ему есть кому теперь поручить свою дочь!

Въ разгарѣ пиршества отецъ ее зоветъ, дѣлается кругъ, и она пляшетъ, пляшетъ съ шалью и пляшетъ съ тамбуриномъ, пляшетъ по-русски; старикъ бьетъ тактъ и смотритъ въ глаза Дашковой; старуха довольна, толпа молчитъ, благоговѣя передъ чиномъ отца и передъ необычайной граціей дочери; «она танцовала, говоритъ миссъ Вильмотъ, съ такой простотой, съ такой природной прелестью, съ такимъ достоинствомъ и выраженіемъ, что ея движенія казались ея языкомъ».

Послѣ каждаго танца она бѣжитъ къ отцу и цѣлуетъ его руку, Дашкова ее хвалитъ, отецъ велитъ ей поцѣловать и у нея руку... но ему показалось, что она разгорячилась, и онъ старательно самъ закутываетъ ее въ шаль, чтобъ она не простудилась.

За ужиномъ, при громѣ трубъ и литавръ, графъ стоя пьетъ здоровье Дашковой; потомъ раздаются ея любимыя русскія пѣсни, смѣняемыя цѣлымъ оркестромъ. А тутъ грянулъ и польскій, и Орловъ ведетъ Дашкову въ залу, гдѣ звуки роговой музыки удивляютъ

нашу ирландку, никогда не слыхавшую этого приложенія крѣпостного состоянія къ искусству.

Наконецъ, Дашкова собирается, и графъ, кланяясь ей и цѣлуя руку, благодаритъ, что она посѣтила его бѣдный домишко.

Такъ-то праздновалъ чесменскій Орловъ свое замиреніе съ старушкой Дашковой, и такъ-то этотъ суровый, жестокій человѣкъ любилъ свою дочь.

Я и самъ чуть не помирился съ нимъ вмѣстѣ съ княгиней Екатериной Романовой. Дики были времена, въ которыя они жили, дики и поступки его; петровская Русь была еще въ броженіи, не будемъ же его судить строже Дашковой, и если на томъ свѣтѣ много можетъ молитва родителей, то на этомъ отпустимъ Орлову многое за любовь его къ дочери.

А и ея судьба была странна. Я ее видѣлъ раза два мальчикомъ, потомъ видѣлъ въ 1841 году въ Новгородѣ; она жила возлѣ Юрьева монастыря. Вся жизнь ея была однимъ долгимъ, печальнымъ покаяніемъ за преступленіе, не ею совершенное, одной молитвой объ отпущеніи грѣховъ отца, однимъ подвигомъ искупленія ихъ. Она не вынесла ужаса, который въ нее вселило убійство Петра III и сломилась подъ мыслью о вѣчной карѣ отца. Весь свой умъ, всю орловскую энергію она устремила къ одной цѣли, и мало по малу совершенно отдалась мрачному мистицизму и изувѣрству. Призванная по рожденію, по богатству, по талантамъ на одно изъ первыхъ мѣстъ не только въ Россіи, но и въ Европѣ, она прожила свой вѣкъ со скучными монахами, съ старыми архіереями, съ разными прокаженными, святошами, юродивыми. Говорятъ, что, послѣ 1815 г., нѣмецкіе владѣтельные принцы искали ея руки, она всѣмъ отказывала; Александръ оказывалъ ей большое вниманіе, она удалилась отъ двора. Дворецъ ея больше и больше пустѣлъ и совсѣмъ замолкнулъ, наконецъ; не

раздавался уже въ немъ ни стукъ старинныхъ чашъ, ни хоры пѣсенниковъ, и никто не заботился больше о бережепныхъ скакунахъ. Одпѣ черныя фигуры бородатыхъ монаховъ мрачно ходили по аллеямъ сада и смотрѣли на фонтаны, точно все еще продолжались похороны Алексѣя Григорьевича — и, въ самомъ дѣлѣ, это была молитва объ успокоеніи его души.

Въ залѣ, гдѣ она кружилась и вилась цыганкой, въ отроческой чистотѣ, не понимая смысла знойныхъ движеній азіатскаго танца, гдѣ плавно и потуня взоръ, она плясала съ стыдливо поднятой рукой наши томныя, женственныя пляски и гдѣ плакалъ грозный отецъ, глядя на нее, тамъ теперь сидѣлъ Фотій, ограниченный фанатикъ, говорилъ безсвязныя рѣчи и вносилъ еще больше ужаса въ разбитую душу; дочь надменнаго чесменскаго графа смиренно слушала его зловѣщую рѣчь, тщательно покрывая его ноги шалью, можетъ, той самой, въ которую ее завертывалъ отецъ!

«Анна, говорилъ Фотій, принеси мнѣ воды», и она бѣжала за водой; «теперь сядь и слушай». Она садилась и слушала. Бѣдная женщина!

Сады свои и дворецъ въ Москвѣ она подарила государю. Зачѣмъ? Не знаю. Необъятныя имѣнья, заводы, все пошло на украшеніе Юрьевскаго монастыря; туда перевезла она и гробъ своего отца; тамъ въ особомъ склепѣ теплится надъ нимъ вѣчная лампада, шепчется молитва, тамъ былъ приготовленъ и ея саркофагъ, еще пустой, когда я его видѣлъ. Въ ризахъ иконъ и въ архимандритскихъ шапкахъ печально мерцаютъ въ церковномъ полусвѣтѣ орловскія богатства, превращенныя въ яхонты, жемчуги и изумруды. Ими несчастная дочь хотѣла закупить судъ божій.

А Екатерина обирала у монастырей имѣнья и раздавала ихъ Орловымъ и другимъ любовникамъ. Немезида!

... Записки Дашковой насъ оставляютъ около этого

времени. Самыя подробности о ея свиданіи съ Орловымъ мы взяли изъ писемъ двухъ сестеръ Вильмотъ.

Миссъ Мери Вильмотъ, тоскуя о потерѣ своего брата и скучая дома, приняла предложеніе княгини Дашковой погостить у нея годъ-другой. Миссъ Мери не знала лично Дашковой, но (она была племянница мистрисъ Гамильтонъ) съ дѣтства наслышалась объ этой необыкновенной женщинѣ, о томъ, какъ она осьмнадцати лѣтъ стояла во главѣ заговора, какъ носилась на конѣ передъ возмутившимися полками, какъ потомъ жила въ Англіи и гостила въ Ирландіи, была президентомъ Академіи и писала страстныя письма къ Гамильтонъ. Молодая дѣвушка представляла себѣ ее чѣмъ-то фантастическимъ, «феей и отчасти колдуньей», и именно потому рѣшилась (въ 1803 году) къ ней ѣхать.

Подъѣзжая къ Троицкому, ей, впрочемъ, сдѣлалось такъ жутко и не по себѣ, что она рада была бы воротиться, еслибъ это было возможно.

На встрѣчу ей вышла небольшого роста старушка, въ длинномъ, темномъ, суконномъ платьѣ, со звѣздой на лѣвомъ боку и съ чѣмъ-то въ родѣ колпака на головѣ. На шеѣ у нея былъ старый затасканный платокъ, — разъ въ сырую погоду вечеромъ на прогулкѣ, за двадцать лѣтъ, мистрисъ Гамильтонъ повязала ей этотъ платокъ, съ тѣхъ поръ она его берегла, какъ святыню. Но если нарядъ ея дѣйствительно сбивался на колдунью, то благородныя черты лица и безконечно нѣжное выраженіе взгляда съ перваго раза очаровали ирландку. «Въ ея пріемѣ, говоритъ она, было столько истины, столько теплоты, достоинства и простоты, что я полюбила ее прежде, чѣмъ она сказала что нибудь».

Миссъ Мери, съ перваго дня, совершенно подъ ея вліяніемъ, сама удивляется этому, сердится на себя, но не можетъ противостоять влеченію къ славной старушкѣ. Ей все нравится въ ней, даже ея ломаный

англійскій языкъ, придающій что-то дѣтское ея рѣчамъ. «Лѣта и жизнь, говоритъ она, успокоили и смягчили ея черты, и гордое выраженіе ихъ, еще оставившее легкіе слѣды, смѣнилось снисходительностью».

Но, вѣдь, какъ же и полюбила ее Дашкова! Она ее любитъ страстно, какъ нѣкогда Екатерину. Свѣжесть чувствъ, ихъ женская нѣжность, потребность любви и столько юности сердца въ шестьдесятъ лѣтъ изумительны. Внимательность матери, внимательность сестры, любовницы, вотъ что находитъ миссъ Мери въ Троицкомъ; чтобъ ее разсѣять, Дашкова ѣдетъ въ Москву, возитъ ее по баламъ, показываетъ монастыри, представляетъ императрицамъ, украшаетъ цвѣтами ея комнату, проводитъ вечера съ ней, читая письма Екатерины и другихъ знаменитостей.

Миссъ Вильмотъ проситъ ее, умоляетъ писать свои записки. «И то, говоритъ Дашкова, чего я никогда не хотѣла сдѣлать ни для родныхъ, ни для друзей, я дѣлаю для нея».

Она ей пишетъ и посвящаетъ свои записки.

Въ 1805, Дашкова выписала сестру миссъ Мери, миссъ Катринъ, которая была тогда во Франціи и должна была ее покинуть, преслѣдуемая въ качествѣ англичанки. Сестры нисколько не похожи другъ на друга. Мери, существо нѣжное, кроткое, обрадовавшееся, что есть къ кому прислониться, согрѣться подъ чьимъ-то крыломъ; она привязывается къ Дашковой, какъ слабый плющъ къ старому, но крѣпкому дереву; она ее называетъ my russian mother; она пріѣхала къ ней изъ маленькаго городишка и ничего не видала прежде, кромѣ своего «изумрудпаго острова». Ея сестра, живая и вспыльчивая, независимая въ мнѣніяхъ, жившая въ Парижѣ, умная и насмѣшливая, безъ особенной любви и терпимости, развязнѣе на языкъ. Къ тому же ей положительно многое не нравится въ Россіи,

— и потому ея письма исполнены для насъ своего рода интереса.

«Россія, говоритъ она, похожа на двѣнадцатилѣтнюю дѣвочку — дикую, неловкую, на которую надѣли парижскую модную шляпку. Мы живемъ здѣсь въ XIV или XV столѣтіи» [1]).

Крѣпостное состояніе поражаетъ ее гораздо больше, чѣмъ добродушную ея сестру. Напрасно Дашкова показываетъ ей благосостояніе своихъ крестьянъ. «Имъ хорошо, пишетъ миссъ Катринъ, при княгинѣ, но каково будетъ послѣ?» Каждый помѣщикъ кажется ей однимъ изъ желѣзныхъ колецъ, которыми скована Россія.

Въ жалкомъ подобострастіи, въ позорномъ раболѣпіи нашего общества она очень справедливо находитъ отраженіе рабства. Она съ изумленіемъ видитъ въ залахъ и гостиныхъ опять холоповъ безъ всякаго нравственнаго чувства собственнаго достоинства. Ее удивляютъ гости, которые не смѣютъ садиться и часы цѣлые стоятъ у дверей, переступая съ ноги на ногу, которымъ киваютъ головой, чтобъ они ушли. «Понятіе добра и зла смѣшивается въ Россіи съ понятіемъ быть въ милости или въ немилости. Достоинство человѣка легко опредѣляется по адресъ-календарю, и отъ государя зависитъ, чтобъ человѣка безусловно принимали за змѣю или за осла».

Московскіе тузы не запугали ее млечнымъ путемъ своихъ звѣздъ, своей тяжеловатой важностью и скучными своими обѣдами.

«Мнѣ кажется, пишетъ она послѣ праздниковъ 1806 г., что я все это время носилась между тѣнями

---

[1]) Миссъ Вильмотъ думала сказать колкость и сдѣлала комплиментъ. Жаль только, что она не знаетъ возраста дикой дѣвочки! Это не ея лѣточисленіе!

и духами екатерининскаго дворца. Москва—императорскій политическій Элизіумъ Россіи. Всѣ особы, бывшія въ силѣ и власти при Екатеринѣ и Павлѣ и давно замѣщенныя другими, удаляются въ роскошную праздность лѣниваго города, сохраняя *мнимую* значительность, которую имъ уступаютъ изъ учтивости. Вліяніе, сила давно перешли къ другому поколѣнію, тѣмъ не менѣе оберъ-камергеръ императрицы Екатерины II, князь Голицынъ все также обвѣшанъ регаліями и орденами, подъ бременемъ которыхъ склоняются еще больше къ землѣ его девяносто лѣтъ отъ роду; все такъ же, какъ во дворцѣ Екатерины, привязанъ брильянтовый ключъ къ его скелету, одѣтому въ шитый кафтанъ, и все также важно принимаетъ онъ знаки уваженія своихъ товарищей-тѣней, раздѣлявшихъ съ нимъ во время оно власть и почести.

«Рядомъ съ нимъ другой пестрый оборотень (goudy revenant) графъ Остерманъ, нѣкогда великій канцлеръ: на немъ висятъ ленты всевозможныхъ цвѣтовъ: красныя, голубыя, полосатыя; восемьдесятъ три года скопились на его головѣ, а онъ все еще возитъ цугомъ свой стучащій кость объ кость остовъ, обѣдаетъ съ гайдуками за своимъ столомъ и наблюдаетъ торжественный этикетъ, которымъ былъ окруженъ, занимая свое мѣсто».

Въ числѣ тѣней видала она и графа А. Орлова. «Рука, задушившая Петра III, осыпана брильянтами, между царскими подарками особенно выдается портретъ императрицы, Екатерина улыбается съ него въ своей вѣчной благодарности».

Миссъ Вильмотъ называетъ еще Корсакова, котораго можно принять за «мерцающее привидѣніе изъ брильянтовъ», князя Барятинскаго и еще кой-кого изъ этихъ людей другого, прошедшаго міра, «откуда они захватили придворную болтовню о важныхъ ничтожно-

стяхъ, надменность, тщеславіе, пустую суету, въ которой находятъ свое счастіе и свое горе».

И она съ негодованіемъ заключаетъ: «А, вѣдь, раскрытый гробъ стоитъ у ихъ подгибающихся ногъ, грозя предать скорому забвенію ихъ мишурныя существованія».

«Всѣ эти важные старцы окружены женами, дочерями, внучками, разряженными въ пухъ и сидящими въ раззолоченныхъ комнатахъ, патріархально заставляя плясать передъ собой своихъ горничныхъ и безпрестанно подчуя вареньемъ. Въ наружности ихъ есть что-то французское, къ тому же, воспитанныя француженками, онѣ хорошо говорятъ на этомъ языкѣ и одѣваются по послѣднимъ парижскимъ модамъ. Но въ сущности дамы эти очень мало любезны; ихъ образованіе совершенно внѣшнее, и милой легкости французскаго общества здѣсь вовсе нѣтъ. Когда московская дама оглядитъ васъ съ ногъ до головы, поцѣлуетъ васъ разъ пять-шесть, когда и двухъ разъ было бы, кажется, за глаза довольно, увѣритъ васъ въ своей вѣчной дружбѣ, скажетъ въ лицо, что вы прелестны и милы, распроситъ о цѣнѣ каждой вещи вашего наряда и поболтаетъ о предстоящемъ балѣ въ залѣ дворянскаго собранія, ей нечего больше сказать».

Обѣихъ сестеръ поражаетъ изъ рукъ вонъ пошлый обычай являться въ чужихъ брильянтахъ на балы. Притомъ всѣ знаютъ, чьи они: такъ, какая-то княгиня Голицына давала своимъ пріятельницамъ брильянтовый поясъ и головной уборъ, необыкновенной цѣны и знакомый всему городу. Разъ она украсила ими племянницу Дашковой; молодая барышня совсѣмъ забыла, что и княгиня пріѣдетъ: неумолимая и строгая, она ненавидѣла, само собой разумѣется, эти выставки чужихъ богатствъ. Барышня такъ перепугалась, увидя Дашкову, что весь вечеръ пряталась. Но пришло ро-

ковое время ужина, озябнувшая мисъ Мери надѣла шаль; эта мысль показалась ей спасительной, и она взяла свою, чтобъ прикрыть рѣки алмазовъ отъ Дашковой. Усѣлись, Дашкова противъ, суповая чаша немножко спасала, но головной уборъ горитъ, какъ жаръ. Дашкова посмотрѣла. У бѣдной дѣвушки вышли пятны на лицо и навернулись слезы... Дашкова не сказала ни слова.

Мисъ Вильмотъ, во многомъ не согласныя въ оцѣнкѣ людей и фактовъ, тотчасъ соединяются, какъ только рѣчь идетъ о Дашковой. Ѣдкое перо мисъ Катринъ теряетъ весь свой ядъ, говоря о княгинѣ. Въ началѣ статьи мы помѣтили ея характеристику Дашковой. Она въ ней оцѣнила всего меньше сторону женскую, нѣжную, для которой любовь была потребность. Эту сторону ея сердца гораздо лучше поняла мисъ Мери, а все-таки покинула ее.

Въ 1807 году уѣхала мисъ Катринъ, Мери хотѣла ѣхать спустя нѣкоторое время. Ее остановило страшное событіе, поразившее Дашкову.

Дашкова, безмѣрно любя своего сына, никогда собственно не прощала его брака, никогда не хотѣла принять его жены; съ сыномъ, впрочемъ она была въ перепискѣ, но не видалась съ нимъ. Сколько ни просили ее, и особенно Мисъ Вильмотъ, которой вліяніе было такъ безгранично,—обиженное сердце матери, которое не умѣли смягчить тотчасъ послѣ брака, не могло переломить себя и вполнѣ примириться. Въ 1807 году, лишь только Дашкова пріѣхала въ Москву, ея сынъ занемогъ и черезъ нѣсколько дней умеръ.

Ударъ этотъ былъ страшенъ для старушки, онъ сократилъ ея жизнь; позднее раскаяніе налегло на нее всей неотвратимой тяжестью. Она послала за невѣсткой. И эти женщины, надѣлавшія другъ другу столько вреда, никогда не видавшись, и ненавидѣвшія другъ друга, откровенно и безсмысленно, рыдая бросились въ

объятія другъ друга, возлѣ гроба человѣка, котораго онѣ такъ любили, и помирились на вѣки.

Существованіе Дашковой было сломано. Одно утѣшеніе оставалось у нея, это ея дитя, ея подруга, ея ирландская дочь, но она собиралась домой.

Зачѣмъ ѣхала она, этого я не понимаю. Трудно удержаться отъ чувства досады, видя, какъ не нужно миссъ Вильмотъ покидаетъ Дашкову для своихъ ирландскихъ родныхъ, которыхъ роль въ ея жизни чрезвычайно ограничена и съ которыми ей должно было быть очень скучно.

Дашкова, испуганная своимъ одиночествомъ, хочетъ ѣхать съ ней въ Ирландію, окончить существованіе, «которое не имѣетъ больше потомства и должно изсякнуть». Миссъ Вильмотъ уговариваетъ ее не ѣздить; обѣщаетъ ей пріѣхать опять; старухѣ тяжело. Миссъ Мери, щадя ее, уѣзжаетъ тайкомъ, но задержанная въ Петербургѣ отъѣздомъ корабля и невѣроятно глупыми мѣрами полиціи, принятыми противъ англичанъ, по поводу тогда объявленной войны, она рѣшается снова ѣхать на нѣсколько мѣсяцевъ въ Москву; образъ старушки со слезами на глазахъ раздираетъ ей сердце, она пишетъ ей о своемъ намѣреніи.

Радости, благодарности Дашковой нѣтъ мѣры... но какъ же торжествовать ей эту новость? она посылаетъ въ тюрьму выпустить пять человѣкъ, сидящихъ за долги, и поручаетъ имъ отслужить молебенъ.

Но горесть разлуки была только отдалена; упорная миссъ Мери поставила на своемъ и все-таки уѣхала. Удрученная горемъ Дашкова, простившись съ своимъ другомъ, легла въ постель. Ночью миссъ Вильмотъ еще разъ тихо взошла въ ея спальню. Княгиня, проплакавшая цѣлый день, заснула, «выраженіе ея лица было дѣтски спокойно; я тихо поцѣловала ее и удалилась». Онѣ не видались больше.

Полная пустота, въ которой изрѣдка мелькали эти скучныя «тѣни», покрытыя звѣздами и пудрой, все больше и больше дряхлѣвшія, окружила послѣдніе дни нашей княгини. Ея мысли обращены къ молодой дѣвушкѣ съ грустью и мечтательной нѣжностью, отъ которой становится больно и тяжело; какъ-то ясно чувствуется, что этой грусти не будетъ больше утѣшенія.

«Что я скажу вамъ, my beloved child, пишетъ она 25 октября 1809 года, чтобы не огорчило васъ. Я печальна, очень печальна, слезы текутъ изъ глазъ моихъ, и я никакъ не могу привыкнуть къ нашей разлукѣ. Я построила нѣсколько мостовъ, насажала нѣсколько сотъ деревьевъ, говорятъ, что удачно; меня все это разсѣваетъ на минуту, но горесть моя снова возвращается».

Октября 29 она пишетъ: «И какъ все перемѣнилось послѣ васъ въ Троицкомъ. Театръ закрытъ, не было ни одного представленія, фортепьяны молчатъ, и даже горничныя не поютъ. Но зачѣмъ я говорю это вамъ, вы окружены родными, счастливы, довольны...»

Она пишетъ ей еще нѣсколько строкъ 6 ноября и оканчиваетъ свое письмо англійскимъ God bless you!

Знала ли Мери, что благословеніе это было сдѣлано умирающей рукой? Меньше нежели черезъ два мѣсяца, а именно, 4 января 1810, *не стало* княгини Екатерины Романовны.

Пять лѣтъ до своей смерти, 27 октября 1805 г., она такъ заключила свои записки: «Съ честнымъ сердцемъ и чистыми намѣреніями, мнѣ пришлось вынести много бѣдствій; я сломилась бы подъ ними, еслибъ моя совѣсть не была чиста... Теперь я гляжу безъ страха и безпокойства на приближающееся разрушеніе мое».

Какая женщина! Какое сильное и богатое существованіе!

Очерки психологіи. Тиченера. Съ англ. Ц. 1 р.
Душевныя движенія. Популярно-научный очеркъ. Ланге. Перев. съ франц. и нѣмецк. Ц. 40 к.
Привычка и инстинктъ. Моргана. Съ англ. Съ рис. Ц. 1 р.
Психологія вниманія. Рибо. Съ франц. 3-е изд. Ц. 30 к.
Психологія характера. Полана. Съ франц. Ц. 75 к.
Психологія великихъ людей. Жоли. 3-е изд. Ц. 60 к.
Физіологія страстей. Летурно. Перев. съ франц. д-ра В. В. Святловскаго. Ц. 1 р.
Патологія души. Опытъ гигіены ума. Д-ра Мориса Флери. Перев. съ франц. Ц. 1 р.
Геніальность и помѣшательство. Ломброзо. Перев. съ итал. Съ портретомъ автора и рис. 3-е изд. Ц. 1 р.
Вырожденіе. Психопатическія явленія въ соврем. литер. и искусствѣ. Макса Нордау. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к.
Мозговая работа и переутомленіе. Блекка. Съ англ. Ц. 30 к.
Усталость. Популярно-научныя бесѣды. Моссо. Съ 30 рис. Ц. 1 р. 25 к.
Гигіена неврастеника. Проф. Пру и Балле. Съ французск. Ц. 60 к.
Нервность нашего времени. Цигельрота. Ц. 25 к.
Гипнотизмъ въ теоріи и на практикѣ. Д-ра Маррена. Съ франц. Ц. 75 к.
Современные психопаты. Д-ра Кюллера. Съ французск. Ц. 1 р. 50 к.
Вѣрить или не вѣрить? Экскурсія въ область таинственнаго. Д-ра Битнера. Съ 43 рис. Ц. 1 р. 50 к.

Исторія.

Философія исторіи въ ея главнѣйшихъ теченіяхъ. К. Раппопорта. Ц. 75 к.
Исторія культуры. Линнерта. Перев. съ нѣм. Съ 83 рис. 6-е изд. Ц. 1 р. 60 к.
Политическая исторія современной Европы. Ш. Сеньобоса. Перев. подъ ред. А. Трачевскаго. Ц. 1 р. 50 к.
Исторія XIX вѣка. (1789—1899). Марешаля. Переводъ съ франц. подъ ред. проф. Трачевскаго. Ц. 3 р.
Исторія первобытныхъ людей. Э. Клодда. Перев. съ англ. М. Энгельгардта. Съ 83 рис. Ц. 40 к.
Первобытные люди. Дебьера. Перев. съ франц. съ дополн. М. Энгельгардта. 2-е изд. Съ 84 рис. Ц. 75 к.
Происхожденіе семьи, собственности и государства. Д-ра Энгельса. Перев. съ нѣм. 2-е изд. Ц. 50 к.
Исторія семьи. Линнерта. Перев. съ нѣм. Ц. 60 к.
Исторія французской революціи. Н. Карно. Перев. съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р.
Исторія французской революціи. Лависса и Рамбо. Перев. съ франц. Іолшина. Ц. 1 р. 50 к.

Вѣчная утопія. А. Кирхенгейма. Перев. съ нѣм. Съ приложеніемъ главы «Страна свободы» изъ книги Ф. Клейнверхтера: «Государственные романы». Ц. 1 р. 25 к.

Герои и героическое въ исторіи. Публичныя бесѣды. Том. Карлейля. 2-е изд. Перев. съ англ. В. Яковенко. Ц. 1 р.

Справочныя книги и указатели.

Энциклопедическій словарь. Ф. Павленкова. Справочная книга по всѣмъ отраслямъ знанія, около 3000 столбцовъ текста съ 2487 рисунк., въ томъ числѣ 907 портретовъ и 112 географ. картъ. 2-е, пересмотр. изданіе. Цѣна въ коленкор. переплетѣ 3 р.

Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка Ф. Павленкова. Ц. 1 р.

Домашній опредѣлитель поддѣлокъ. Альмединген а. Ц. 60 к.

На всякій случай. Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ. Альмединген а. Въ 2-хъ част. Цѣна каждой части 50 к.

Который часъ? Вавилова. Популярное руководство для провѣрки всякихъ обыкновенныхъ и для устройства солнечныхъ часовъ. 2-е изд. Съ 13 рис. Ц. 30 к.

Новыя изданія Ф. Павленкова:

Сочиненія А. И. Герцена и переписка съ Н. А. Захарьиной. Съ примѣч., указателемъ и 8 снимками (7 портр. и 1 статуя). 7 томовъ. Ц. 12 руб.

А. И. Герценъ. Русскій народъ и Соціализмъ. Ц. 10 к.

А. И. Герценъ. Старый міръ и Россія. Ц. 10 к.

Искандеръ (А. И. Герценъ). Кто виноватъ? Ц. 50 к.

А. И. Герценъ. Робертъ Оуэнъ. Ц. 12 к.

А. И. Герценъ. Александръ I и В. Н. Каразинъ. Ц. 12 к.

А. И. Герценъ. Княгиня Екатерина Романовна Дашкова. Ц. 20 к.

А. И. Герценъ. Крещеная собственность. Ц. 8 к.

А. И. Герценъ. Съ того берега. Ц. 40 к.

Бухъ, Л. О государственныхъ финансахъ. Ц. 25 к.

Николинъ, Н. Государственное устройство Россіи и Государственная Дума. Ц. 20 к.

Уоллесъ, А. Статьи по вопросу о націонализаціи земли (Научныя и соціальн. изслѣдованія, т. II). Переводъ Л. Лакіера. Ц. 80 к.

Мигула, В. Біологія растеній. Переводъ Бедельяна. Съ 37 рисунками. Ц. 40 к.

Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. В. Луковникова, С.-Петербургъ, Лештуковъ пер., 2.